

ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЛИЗА ГАРДНЕР

Продано
22 000 000
КНИГ

БЕЗУПРЕЧНЫЙ
МУЖ

18+

Главная героиня романа
бесподобна: умная, сильная,
целестремленная, но в то же время
такая тонкая и ранимая...

Women of the World

Лиза Гарднер
Безупречный муж
Серия «Куинси и Рейни», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10829479
Гарднер, Лиза. *Безупречный муж*: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79137-8

Аннотация

Красавец полицейский Джим Бекетт был пределом мечтаний для Тесс, еще когда она была школьницей. И вот наконец мечта сбылась – она стала его женой и родила ему дочку. Но пришло время, и Тесс с ужасом узнала, что ее муж – серийный убийца, оборотень, неуловимый и неуязвимый, настоящий «человек-невидимка» для правоохранительных органов. Испугавшись, женщина прибежала тогда в полицию, и именно с ее помощью Джим был пойман и посажен в тюрьму. Но спустя два года он вырвался на волю, убив двух охранников. И сразу же дал всем знать: теперь его цель – бывшая жена, которая неминуемо будет наказана. Тесс поняла, что никто не в силах ее защитить. Никто, кроме нее самой...

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лиза Гарднер Безупречный муж

Lisa Gardner

THE PERFECT HUSBAND

Copyright © 1998 by Lisa Baumgartner

Фото Лизы Гарднер © Philbrick Photography

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Благодарности

Писатели рассматривают свой труд как труд одиночки. Но в действительности для того, чтобы написать книгу, необходимо немало людей, и я в долгу у многих из них. Я хотела бы выразить мою благодарность и уважение всем тем, кто помогал мне в процессе работы, включая:

Джека Стэйплтона, помощника окружного прокурора округа Бристоль, который терпеливо и подробно отвечал на множество вопросов, касавшихся межведомственных расследований и арестов;

Стива Белангера, офицера Службы исполнения наказаний, который рассказал мне достаточно подробностей о жизни в тюрьмах особо строгого режима, чтобы я решила для себя никогда не совершать преступлений;

Криса Фасса, коллегу по колледжу и закадычного друга, который предоставил в мое распоряжение не только свои знания в области военно-прикладного ориентирования и реконструкции событий Войны за независимость, но и позволил мне потрогать свои ружья;

Аарона Кичли и Валери Вебер, двух почетных жителей Уильямстауна, которые так много рассказали мне о своем спокойном и прекрасном городе, что я не могла не использовать его в качестве места, где произошло убийство; других полицейских, агентов ФБР и сотрудников Службы исполнения наказаний, которые согласились ответить на мои вопросы, но попросили не называть в книге своих имен.

Эти люди поделились со мной своими знаниями. В некоторых случаях я художественно переработала эту информацию. В любых ошибках, которые из-за этого появились, повинна только я.

И, наконец, особые благодарности моему агенту, Домарису Роуленду, за то, что больше меня верил в мой талант; Ните Таублиб, которая решила рискнуть, напечатав эту книгу; Бет де Гузман, чье идеальное редактирование дало этой книге жизнь; моей семье и друзьям – Хитер, Долли, Мишель, Терри, Лори и Бетси – за их поддержку и неиссякаемый источник шоколада и моему жениху Энтони Радди, который находился рядом со мной и рисовал мне наше прекрасное будущее. Эту благодарность я никогда не смогу выразить словами.

Пролог

Он все понял, как только увидел ее в первый раз. Понял, наблюдая за ее красными и белыми помпонами, которые прыгали в воздухе. За длинными, светлыми локонами ее волос, которые перечеркивали голубое небо. Он навсегда запомнил ее белозубую улыбку, когда она выкрикивала кричалки группы поддержки, выдвигая кренделя ногами вместе с остальными девушками на только что скошенной траве футбольного поля. Он был голоден – ее вид накормил его. Он ничего не чувствовал; теперь его сердце было готово разорваться от избытка чувств.

О ней он знал абсолютно все. Знал, что ее родители были уважаемыми жителями Уильямстауна, что само по себе было необычно для простых людей в этом оплоте либеральных художников и университетской профессуры. Он знал, что она происходила из достойной немецкой семьи, белокожие и светловолосые предки которой уже в течение четырех поколений владели местным магазином «Мэтьюз» и умудрялись существовать, не удаляясь дальше чем на четыре квартала от места своего рождения. Все они мирно умирали во сне, кроме прабабушки Терезы, которая умерла от того, что задохнулась дымом в возрасте семи-десяти пяти лет, когда пыталась помочь вывести лошадей из горящего соседского стойла.

Он знал, что после тренировок в группе поддержки местной футбольной команды Тереза каждый день торопилась домой, чтобы помочь своим родителям по хозяйству. Она аккуратно расставляла по небольшим полкам банки с импортными оливками, пастой из шпината, а также упаковки с местными конфетами, сделанными из кленового сиропа, которые имели форму кленовых же листьев. В сентябре и октябре, когда городок был заполнен приезжими, восторгавшимися буйством красок на холмах и в лесах Вермонта, Терезе доверяли резать для туристов вермонтский сыр и домашнюю сливочную помадку. А потом сезон заканчивался, и она вновь возвращалась к своим домашним обязанностям, протирая пыль на полках, покрытых клеенкой в синюю клетку, драя деревянный пол, которому было уже более ста лет, и убирая посуду со столов, сделанных из вековых сосен. Это были ее обязанности с того самого момента, как ей исполнилось двенадцать лет, и он слышал, как ее отец не один и не два раза в течение дня говорил девочке, что ни на что другое она просто неспособна.

Тереза никогда не спорила. Она просто потуже затягивала свой передник в красную клетку, убирала локоны светлых волос со лба и продолжала мыть и тереть.

Она была популярной девочкой в средней школе, в которой училось не менее ста человек, – доброжелательной, но не слишком открытой, привлекательной, но слегка застенчивой. Тогда как другие семнадцатилетние ученицы в средней школе Маунт-Грейлок с удовольствием позволяли хватать себя за попку защитникам местной футбольной команды, а иногда позволяли себе насладиться вкусом запрещенного пива, Тереза каждую пятницу и субботу возвращалась домой не позже десяти часов вечера.

Мать Терезы говорила, что девочка была очень, очень аккуратная. Всегда делала домашние задания именно так, как того от нее требовали в школе, посещала церковь и аккуратно выполняла работу по дому. Их Тереза не позволяет себе проводить время со всякими пьяницами и наркошами, только не она. Она никогда не заходит за флажки.

Когда-то в молодости миссис Мэтьюз была так же хороша, как и ее дочь, но те времена давно миновали. Сейчас она представляла собой нервную женщину с выцветшими голубыми глазами, светлыми волосами грязного оттенка и рыхлым телом. Она так сильно зачесывала назад свои волосы, что кончики ее глаз слегка приподнимались. Крестилась она каждые две минуты, безостановочно перебирая свои четки. Он хорошо знал таких женщин. Постоянно молятся Всевышнему, чтобы тот охранял их от всяческого зла. В свои года она была счастлива, что ей больше не надо исполнять супружеские обязанности. А по пятницам,

когда мистер Мэтьюз приканчивал целую бутылку «Уайлд тёрки»¹ и поколачивал и ее, и Терезу, считала, что им досталось поделом, так как Ева в свое время дала Адаму яблоко, за что женщины с тех пор и расплачиваются.

Пятидесятилетний мистер Мэтьюз также не обманул его ожиданий. Коротко подстриженные седые волосы стального оттенка. Упрямое выражение лица. Подобранный живот. Громадные ручищи, мышцы на которых перекатывались как шары, когда он ворочал стофунтовые² мешки с мукой и семидесятифунтовые³ бочки с сиропом. Он передвигался по небольшому магазинчику, как император по своим владениям. Пока его семья работала, не поднимая головы, он любил перекинуться словечком с посетителями, беседуя в основном о падающих ценах на молоко и опасностях, которые таит в себе мелкое предпринимательство. Под кроватью у него был заряженный револьвер, а в грузовичке он возил заряженную винтовку. Раз в год папаша убивал одного оленя по лицензии и – согласно слухам – одного без лицензии, просто для того, чтобы доказать самому себе, что он еще «могёт».

Никто не учил его, как он должен прожить жизнь, управлять магазином или воспитывать семью. Он был настоящим упрямым, тупоголовым сукиным сыном с маленькими глазками и полным отсутствием всякого воображения.

Джим провел в магазине два дня, изучая папашу, мамашу и дочку, и узнал за это время все, что ему было нужно. Родители никогда не потянут на высшее общество, но у них не было никаких видимых генетических дефектов или нервных тиков. А их дочь, спокойная, послушная красавица дочь, была просто изумительна.

Джим открыл дверь машины и выбрался наружу. Он был готов.

Над ним раскинулось безоблачное голубое небо. Перед ним, в обрамлении ярко-зеленых беркширских холмов лежала средняя школа Маунт-Грейлок. За его спиной раскинулась бесконечная долина, с полями, лишь кое-где помеченными точками красных загонов и бело-черными стадами голштинских⁴ коров. Джим глубоко вдохнул воздух, напоенный острым ароматом сосен, свежескошенной травы и молока с близлежащих ферм. Он прислушался к повторявшимся лозунгам группы поддержки: *«Вперед, на борьбу, к победе. Вперед, на борьбу, к победе»*. Длинные, стройные ноги Терезы взмывали в небо.

– Мы из Грейлока и этим гордимся, если нас не слышно, мы еще подсуеетимся.

Джим улыбнулся и шагнул в роскошь яркого весеннего дня. Он поймал взгляд девушки в тот момент, когда ее стройное тело изогнулось и помпоны взлетели в воздух. Она чисто рефлекторно улыбнулась в ответ.

Джим снял темные очки. Глаза Терезы расширились. Он продолжал улыбаться своей самой очаровательной улыбкой до тех пор, пока девушка, наконец, не вспыхнула от смущения и не отвела взгляд. На расстоянии ста футов⁵ от него, находясь за проволочной изгородью, Тереза перевела глаза на значок Джима. Он заметил, что она внезапно занервничала и, казалось, задумалась, но потом ее прекрасные карие глаза вернулись к лицу Джима.

Тогда он понял, что она – его. Он четко зафиксировал тот момент, когда волнение исчезло из ее взгляда и его заменила робкая нетерпеливая надежда.

Он почувствовал невероятный приток сил.

В ушах у него прозвучал голос отца, низкий и успокаивающий, такой, каким он был до тех пор, пока все не провалилось в тартарары. Его отец рассказывал притчу: однажды черепаха и скорпион попали в сильное наводнение. Хотя и сильно испуганная, черепаха пообещала

---

¹ Сорт популярного виски.

² Около 45,3 кг.

³ Около 32,5 кг.

⁴ Порода молочных коров.

⁵ Около 30 м.

щала опасному животному, что перевезет его на другой берег, через бурлящие воды, если только скорпион обещает не жалить ее. Тот дал черепахе слово и забрался на ее панцирь. Они бросились в воду, и черепаха изо всех сил заработала своими короткими сильными лапами, чтобы добраться до противоположного берега. Волны неслись им навстречу, заставляя черепаху отступать. Она гребла и гребла, стараясь продвигаться вперед даже наперекор волнам. Волны становились все больше. Черепаха выбивалась из сил. Скоро даже легкий скорпион стал для нее неподъемным весом, который грозил потопить ее. Однако черепаха так и не попросила его спрыгнуть с панциря. Она гребла все настойчивее, и, наконец, вдали замаячил противоположный берег. Теперь казалось, что они действительно до него доберутся.

И в этот момент скорпион ужалил черепаху. Просто наклонился и впрыснул яд ей глубоко в тело. В шоке черепаха посмотрела на него – яд уже проник в ее кровь, и ее ноги превратились в свинец. Она больше не могла двигаться. Они стали тонуть. В самый последний момент, когда соленая вода уже заполняла ее нос и рот, черепаха выкрикнула:

– Зачем ты это сделал? Ведь ты погубил нас обоих!

– Вот такой я гнусный скорпион, – просто ответил убийца.

Джиму эта история очень нравилась. Он ее хорошо понимал, потому что сам был таким же. Всю жизнь он был уверен, что лучше всех других на Земле: умнее, быстрее, хладнокровнее.

Он всегда получал то, что хотел.

Сейчас он улыбался очаровательной семнадцатилетней девушке Терезе Мэтьюз. Он позволил ей получше рассмотреть полицейский значок округа Беркшир, который так нелегко ему достался. Его рука любовно погладила дубинку, висящую у пояса.

Посмотри же на меня, Тереза. Посмотри на своего будущего мужа.

Вначале все было очень просто.

Вначале...

Глава 1

Пять лет спустя

Джей Ти Диллон был пьян. Снаружи раскаленное от жары солнце находилось прямо в зените, отбеливая кости и выжигая горы. Казалось, что кактусы плывут по волнам зноя, а полынь обугливается прямо на глазах. Все население Ногалеса⁶, прячущееся в комнатах с задернутыми от жары окнами и покрывающее себя кубиками льда, проклинали Господа Бога за то, что Он перенес августовский апокалипсис на сентябрь.

Но он этого не замечал.

Джей Ти лежал на спине в комнате своего дома, построенного в колониальном стиле, посреди прохладного зеленого оазиса. В правой руке он сжимал серебряную рамку с фото улыбающейся женщины и очаровательного мальчугана. В левой была зажата пустая бутылка из-под текилы.

Над ним вращался вентилятор, гонявший охлажденный воздух по гостиной. На полу лежал цветной ковер, изготовленный индейцами навахо, который впитывал его пот. Комната была тщательно убрана и со вкусом обставлена плетеной мебелью.

Он переставал замечать такие подробности после первого дня «неразбавленной текилы». Любой морской пехотинец знает, что запой – это настоящее искусство, а Джей Ти считал себя настоящим Микеланджело текилы.

Первый стакан убирал жжение в горле, второй – убивал вкус первого. На второй половине бутылки ни один настоящий мужик уже не обращал внимания на кактусовый самогон, льющийся по пищеводу в желудок и рано или поздно попадающий ему в мочевой пузырь.

К концу первого дня Джей Ти терял всякую способность соображать. Вентилятор на потолке превращался в доисторическую птицу, а плетёный диван – в тигра, лежащего в засаде. У самого жесткого и беспощадного морского десантника в мире начинались непонятные приступы. Когда он закрывал глаза, мир начинал пьяно вращаться вокруг него, поэтому первую ночь ему пришлось провести, уставившись взглядом в потолок и пальцами поддерживая веки открытыми.

Сейчас шел четвертый день «неразбавленной текилы» – Джей Ти уже давно ничего не соображал, и его тело частично капитулировало перед алкоголем. Началось все с лица. Он сидел перед бассейном, отхлебывая классную «Куэрво Голд»⁷, и внезапно почувствовал, что больше не ощущает своего носа. Джей Ти попытался нащупать его пальцами – бесполезно. Нос исчез. Час спустя исчезли его щеки. Ни колючей щетины, ни запаха пота. Щек у него тоже не было. И вот теперь, не так давно, исчезли губы. Он попытался открыть рот, но не смог. Губы исчезли.

Пить стало очень сложно, а ведь у него было еще целых двадцать четыре часа на пьянку.

Джей Ти медленно повернулся на бок и обнаружил, что у него еще остались руки и какая-то часть сквашенного мозга. Он крепко зажмурил глаза, и за веками возникли туманные образы. Когда-то он был чемпионом по плаванию и по стрельбе. Он хорошо помнил приветственный запах хлорки в бассейне и приятную тяжесть орехового приклада винтовки.

---

⁶ Небольшой провинциальный городок в штате Аризона с населением около 25 000 чел.

⁷ Марка текилы.

Он был десантником с «врожденным талантом и массой потенциала», прежде чем его отправили в отставку.

После Корпуса морских пехотинцев пришел черед образу наемника. В этом качестве Джей Ти выполнял задания, о которых никогда никому не рассказывал, иначе ему пришлось бы убить своих слушателей. Следующий образ был более размытым, со все еще острыми краями, как будто даже после четырех дней «неразбавленной текилы» мог причинить боль. Джей Ти опять был в Штатах, рядом стояла Рейчел, и он был ее мужем. Опустив глаза, он увидел маленького мальчика, вцепившегося ему в руку, – Джей Ти был его отцом.

А сейчас он был алкашом.

Появился его слуга, Фредди, который забрал у него из рук фотографию и положил ее в сейф, где она и будет дожидаться следующего сентября.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

– Что?

В комнату заползла его игуана, волоча свой четырехфутовый хвост по полу, выложенному красной плиткой.

«Тревога! Годзилла атакует!» – закричала текила у него в крови. Другая, вмняемая, часть его мозга прошептала иссушенными, резиновыми губами:

– Глаг, уматывай. Я серьезно.

Глаг демонстративно проигнорировал его и удобно устроился в солнечном луче, который падал в комнату сквозь жалюзи. Джей Ти любил Глага.

– Воды, сэр? – терпеливо спросил Фредди.

– Какой сегодня день?

– Тринадцатое, сэр.

– Тогда тащи еще одну «Маргариту»⁸.

Где-то вдаль послышался телефонный звонок. Этот звук заставил Джей Ти застонать, а когда у звонка хватило наглости прозвенеть еще раз, мужчина с трудом выполз на патио, чтобы больше его не слышать.

Солнце мгновенно попыталось пригвоздить его к земле. Поднявшись на нетвердые ноги, Джей Ти приоткрыл глаза – из его пор испарялась чистая текила.

Сухая жара, говорили ему, когда он переезжал в Аризону. Да жарко, но жара сухая... Дерьмо. Сто двадцать градусов⁹ – это все-таки сто двадцать градусов. Нормальный человек при такой температуре жить не может.

Джей Ти достаточно много времени провел в джунглях – там он притворялся, что не замечает пота, лившегося с него градом, и вони, исходящей от его тела. Он научился не обращать на них внимания. А если это не удавалось, то равнодушно вдыхал эти ароматы. Сейчас джунгли были внутри его самого. Иногда, когда он вспоминал вирджинскую плантацию и своего отца, сидящего во главе стола в полной форме «зеленого берет», в брюках, заправленных в высокие сверкающие черные ботинки для парашютистов, со швами на рубашке отглаженными так, что о них можно было порезаться, со значками и медалями, покрывающими всю грудь, эти джунгли начинали стучать у него в висках.

И тогда Джей Ти начинал смеяться. Это был ценный урок, который преподал ему его отец. Женщины плачут – мужчины смеются. Нытики стонут – мужчины смеются. Слабаки жалуются – мужчины смеются.

Когда Марион позвонила ему, чтобы сказать, что полковник умирает от рака простаты, Джей Ти хохотал так, что уронил телефон.

---

⁸ Коктейль из текилы с соком лайма.

⁹ Около 49 градусов тепла по Цельсию.

На пороге появился Фредди – в своем отглаженном легком костюме из льна он выглядел очень строго.

– Телефон, сэр.

– А сейчас все еще тринадцатое?

– Да, сэр.

– Тогда скажи им, чтобы убирались.

– Это Винсент, сэр, – произнес Фредди, не сдвинувшись с места. – Он звонит уже четвертый раз. Говорит, что это важно.

Джей Ти уселся на помосте и опустил руку в бассейн. Почти всю свою жизнь он мечтал о таком бассейне. Сейчас он его почти ненавидел.

– Сэр?

– У Винсента все всегда важно.

– Он отказывается вешать трубку, сэр. – Фредди поставил аппарат на патио. Его возмущенное фырканье ясно показало, что он думает о Винсенте.

Джей Ти перекатился на спину. Ни Фредди, ни телефон не исчезали.

– Я ушел на покой, чувак, – проворчал он в трубку.

– Да неужели, старик? – Громкий голос Винсента заставил Джей Ти схватиться за голову. – У меня есть для тебя настоящее дело, Диллон. Как раз в твоем вкусе.

– Сегодня тринадцатое.

– На этой половине земного шара.

– Я не отвечаю на звонки тринадцатого. А на твои звонки я не отвечаю вообще никогда. Я ушел на покой.

– Диллон, послушай, как только ты услышишь сумму...

– Мне не нужны деньги.

– Деньги нужны всем.

– А мне не нужны. И дела твои – тоже. Я закончил. Привет.

– Эй, эй, эй! Секундочку! Послушай, Джей Ти, выслушай меня, хотя бы ради нашего прошлого. Послушай, я встретился с этой женщиной. Она просто потрясающая...

– Так хороша в постели?

– Я не об этом...

– Наверняка блондинка. Ты всегда западал на блондинок.

– Джей Ти, старичок, не разыгрывай из себя задницу. Я бы не стал тебе звонить просто так – я знаю, что ты вышел из игры. Но этой женщине нужна помощь. Ей действительно *нужна* помощь.

– Правда? Тогда возьми телефонный справочник, найди там телефон святого Иуды¹⁰, позвони, и если тебе кто-то ответит, то сообщи мне; может быть, в будущем пригодится. А теперь – пока.

– Джей Ти...

– Отвали.

Он повесил трубку. Фредди все еще стоял в комнате. На его верхней губе были видны капельки пота. Диллон покачал головой.

– О чем ты так беспокоишься? – напал он на своего слугу. – Что я соглашусь? Что откажусь от всего этого ради сорокасекундного выброса адреналина? Фредди, я думал, что мы лучше знаем друг друга.

– Я принесу вам «Маргариту», сэр.

– Давай, тащи. Ты меня хорошо понимаешь.

---

¹⁰ Один из двенадцати апостолов (не путать с Иудой Искариотом, который предал Христа). Покровитель немощных и страждущих. Последователи – орден доминиканцев.

Джей Ти прижал голову к прохладному патио. Солнце прожигало ему веки до тех пор, пока перед глазами у него не появились красные зигзаги.

Фредди появился со стаканом, край которого был измазан солью, и поставил его рядом с головой своего хозяина.

– Фредди, – сказал Джей Ти.

– Да, сэр?

– Если ты еще с кем-нибудь соединишь меня – я тебя уволю.

– Понял, сэр.

– Даже если это будет полковник, Фредди. Понятно?

– Конечно, сэр.

– Ну хорошо.

Фредди резко развернулся и вышел из комнаты. Джей Ти даже не повернул головы.

В бассейн он прыгнул не раздеваясь. Дошел до самого дна. Он совсем не сопротивлялся, потому что никогда не сопротивлялся воде. С самого начала Марион могла творить все, что угодно, на лошади, а Джей Ти – под водой.

Ноги его коснулись дна, он открыл глаза и осмотрел свое царство. Стены бассейна были покрыты розовой плиткой, а дно выглядело как россыпь сапфиров.

В горле у Диллона начало щекотать – организм требовал свежего воздуха. С этим он тоже не стал бороться, просто принял это к сведению – и это требование, и панику, и страх. Под водой он мог воспринимать все, что угодно. Под водой он, наконец, примирился с внешним миром.

Мысленно он отсчитывал секунды, а щекотание в горле тем временем превратилось в позывы к кашлю. *Не борись с этим, не борись. Растворись в этом кашле.* Прошло уже две минуты. Однажды он продержался четыре, но сегодня такого не случится.

Две минуты сорок пять секунд. Всё, конец. Джей Ти вылетел на поверхность. Воду он пробил со ртом, широко открытым для отчаянного вдоха, и сделал четыре глубоких вдоха подряд. Джинсы и майка прилипли к его телу, а в голове застучали барабаны.

Он все никак не мог забыть. Рейчел и Тедди. Смеющиеся. Улыбающиеся. Бьющиеся в крике. Умирующие.

Каждый год он уходил в этот запой. Пять дней воспоминаний о том, что он не мог позволить себе забыть.

Пять дней мрака, который полностью накрывал его, заслоня весь свет.

Через минуту он уже плыл. Он плавал, а воздух был сухим, и в нем раздавался треск кузнечиков. И небо приобрело кроваво-красный оттенок...

– ВЫ ЖИВЫ?

– Что? – невнятно спросил Джей Ти. Он отключился, лежа на патио лицом вниз. Что-то неприятно липло к его телу. Одежда.

– Мистер Диллон? Мистер Джей Ти Диллон?

Он попытался скосить глаза, хотя зрачки поддавались ему с трудом. Все вокруг выглядело красным, смазанным и уродливым. Он попытался сфокусировать взгляд. Перед ним стояло живое существо. У существа были темные волосы, которые напомнили ему парик под Элвиса Пресли. Джей Ти опять опустил голову.

– С вами всё в порядке?

– Это всегда было спорным вопросом, – голову он поднимать не стал. – Девушка, я не покупаю продукцию фирмы «Эйвон» или пирожки, приготовленные герл-скаутами. Хотя, с другой стороны, если у вас есть «Куэрво Голд», я возьму пару ящиков.

– Я не предлагаю косметику «Эйвон».

– Это плохо. – Он, наверное, умирает. Диллон не чувствовал себя так плохо с того первого дня, проведенного в Вест-Пойнте¹¹.

– Мистер Диллон...

– Убирайся.

– Не могу.

– Встань прямо, повернись на сто восемьдесят градусов и смотри внимательно, чтобы не получить воротами по заднице.

– Мистер Диллон... прошу вас, просто выслушайте меня.

Наконец-то он смог сконцентрировать на ней взгляд. Она сидела на самом краешке пляжного стула, похожая на настороженную голубку в рамке из ветвей мескитового дерева. Молодая. Очень плохо подстриженная. Еще хуже покрашенная. Пыталась выглядеть равнодушной, но ее белые колени дрожали. Джей Ти застонал.

– Девушка, вы мне совсем не подходите.

– Я... я...

Она неловко поднялась и расправила плечи. У нее было приятное решительное лицо, но все остальное полностью разрушало это впечатление. Ее слишком светлый костюм был мятым и плохо сидел на ней. За последнее время она, по-видимому, сильно похудела, а тени под глазами были слишком темными, чтобы предположить, что по ночам ей снятся сладкие сны.

– Мистер Диллон...

– Фредди, – закричал Джей Ти во всю силу своих легких. – Фредди!

Женщина сжала губы.

– Он вышел, – сказала она, подумав мгновение, и стала методично обкусывать ноготь на большом пальце правой руки.

– Вышел? – простонал Джей Ти и потряс мокрой головой. Вода разлетелась в разные стороны, и несколько капель попали на ее шелковый костюм, но она не обратила на это никакого внимания. Он запустил руку глубоко во влажные волосы и убрал пряди с лица. После этого еще раз посмотрел на свою незваную гостью.

Она соблюдала дистанцию – стояла достаточно близко, чтобы не показать, что ей страшно, но достаточно далеко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Она была готова к мгновенному действию – ноги широко расставлены, одна чуть впереди другой, грудь наружу, руки свободны. Джей Ти почувствовал какое-то дежавю, как будто уже знал ее раньше. Однако это интуитивное чувство быстро прошло, и он не стал на нем заикливаться.

– Ваш друг ушел, – повторила она. – Я видела, как он сел в машину и уехал.

– Ага...

Джей Ти осторожно попытался сесть. Мир сначала закружился, однако потом успокоился. Если принять во внимание, что его кровь сейчас должна на девяносто процентов состоять из текилы, видел он даже слишком хорошо. Сколько времени он пролежал в отключке? Сколько алкоголя успело испариться через его поры? Он катастрофически быстро трезвел.

Диллон разорвал майку и сбросил ее на патио. Потом его пальцы сосредоточились на застегке джинсов.

– Я хочу вас нанять, – в голосе женщины послышалась легкая дрожь.

– Вот так-то лучше, – произнес мужчина, освобождаясь от джинсов и бросая их на пол.

– Мне... мне кажется, что это не совсем прилично, – заметила посетительница.

Ослабившись, Джей Ти повернулся к ней, держа руки на бедрах. Абсолютно обнаженный, он посмотрел ей прямо в глаза, удивляясь про себя, почему ей не хватает ума исчезнуть прямо сейчас.

---

¹¹ Самая известная и престижная военная академия в США.

– Дамочка, вы что, перепутали эту виллу с монастырем? Это частное землевладение, а я здесь главная скотина. А теперь уматывайте отсюда немедленно. А если не хотите, тогда поработайте, на худой конец, ртом.

Он иронически улыбнулся женщине и отошел. «Маргариту» Фредди поставил на столик рядом с бассейном. Лед успел растаять, но Джей Ти было все равно. Одним глотком он проглотил половину стакана.

– Меня прислал Винсент, – раздался у него за спиной шепот женщины.

– Вот сукин сын, – в голосе Джей Ти не было никаких эмоций. – Придется больше не посылать ему открыток на Рождество. – Он допил остатки коктейля. – Считаю до пяти. Или вы исчезнете, или пеняйте на себя.

– Вы что, меня не выслушаете?

– Раз.

– Я вам заплачу.

– Два.

– Винсент ничего не сказал мне о том, что вы свиноголовый алкаш.

– Три.

– Мне нужен профессионал.

Он повернулся, скрестив руки на груди. Его лицо ничего не выражало.

– Четыре.

Женщина покраснела. От отчаяния ее тело выпрямилось, а в глазах вспыхнул огонь. На какое-то мгновение она стала даже хорошенькой.

– Я никуда не пойду! – выкрикнула она. – Черт вас побери совсем, мне никуда больше идти. Если вы прекратите жалеть себя самого и выслушаете...

– Пять.

– Я не уйду. Просто не могу.

– Пеняйте на себя, – пожал плечами Джей Ти.

Он поставил пустой стакан на столик, а потом, нагой, как в день своего рождения, бросил свои сто восемьдесят¹² фунтов хорошо тренированных мускулов и сухожилий вперед.

---

¹² Около 82 кг.

Глава 2

На ее верхней губе были видны капельки пота. В глазах появился опасный блеск. Глаза бежали из стороны в сторону, а рука что-то судорожно искала в сумочке. Джей Ти врезался в нее со всей силой. Оба они свалились на пол, содержимое сумочки вывалилось, и на патио оказался серебристый пистолет. Женщина брыкалась, как необъезженный бычок, пытаясь дотянуться до его глаз своими поломанными ногтями.

Джей Ти сильно ударил ее кистью по полу. Лежа на ней, он пытался заставить ее лежать спокойно, защищая в то же время наиболее чувствительные части своей анатомии от ее дрыгающихся ног. Наконец она схватила его за волосы и сильно дернула.

– Черт, – Джей Ти освободил волосы, схватил женщину за кисть и еще раз сильно ударил ее об пол.

Она зажмурила глаза, но, когда снова открыла их, в них продолжал гореть огонь. Он был крупнее ее, сильнее ее и намного опытнее. Шансов у нее не было никаких, и они оба это знали.

Она в последний раз попыталась освободиться.

– Ну, давай же, – недобрый голос произнес Джей Ти. – Давай, попробуй еще раз. Или ты что, считаешь, что я поменял свое мнение и отпущу тебя? Взгляни на меня, детка. Винсент не сделал для тебя ничего хорошего, когда сообщил тебе мое имя. Я выгляжу как черт, и черт я и есть. На этот раз генетика не ошиблась.

– У меня есть деньги, – с трудом выдохнула она.

– Кому они нужны...

– Сто тысяч долларов.

– Понимаешь, детка, я задешево не работаю.

– Странно, а вот выглядите вы совсем дешевкой.

Это неожиданное оскорбление заставило его приподнять бровь. Женщина прекратила сопротивление, поэтому наивной ее никак нельзя было назвать. Теперь Джей Ти осмотрел свою нежданную гостью гораздо внимательнее. На таком расстоянии было видно, что она здорово потаскана. Ее затылок был белым по сравнению с шеей, как будто беспощадные ножницы только-только избавили ее от длинных волос. Непрокрашенные корни волос были светлыми. Создавалось впечатление, что ногти она подстригала резкой для сыра. У нее был вид совершенно измученного человека. Ради всего святого, не удивлюсь, если у нее на спине вытатуирована большая мишень, подумал Джей Ти.

– Детка, у тебя что, других проблем нет, как драться со мной?

– Может быть, и есть, – весело ответила она, – но ведь надо с чего-то начинать!

И выбросила вперед ногу. Он слегка отодвинулся и заблокировал удар. Но в тот момент, когда на лице у него появилась гнусная ухмылка, она вцепилась ему зубами в плечо.

Джей Ти побледнел. Вены на его шее напряглись, и боль стремительно заструилась по ним, пока ее мелкие, острые зубы впивались ему в самый нерв.

Внутри него росла ярость, примитивная и ужасная. Необходимость ответить. Необходимость вернуть боль, которую ему только что причинили. Он услышал зов джунглей у себя в крови и шаги отца по деревянному полу. Его пальцы стиснули запястье женщины. Она вскрикнула.

– Твою мать! – Диллон вырвал свою руку из ее зубов. На темных волосах показались капельки крови, и он разозлился еще больше. Одним движением Джей Ти вскочил и теперь стоял со сжатыми кулаками и потемневшими глазами, с трудом контролируя свою ярость. *Держи себя в руках. В руках. Он ненавидел мужчин, которые отыгрываются на женщинах. В руках. В руках.*

Серебристый полуавтоматический «вальтер» калибра 5,6 мм лежал дюймах в шести от его ноги. Одним ударом он отправил его в бассейн. Однако это его не успокоило. Когда Джей Ти злился, успокоить его было не так-то просто.

– Ты о чем думала? – прорычал он.

Женщина продолжала лежать на патио с высоко задранный юбкой, которая обнажала длинные стройные ноги, нуждавшиеся в физических тренировках. Руку она прижимала к груди – было видно, что ей очень больно, но она не издавала ни звука.

Джей Ти еще раз выругался и подумал насчет того, чтобы снова нырнуть в бассейн. Выпить хотелось смертельно...

– Нельзя наезжать на десантника, – яростно пробормотал он. – У какого идиота хватает мозгов связаться с тренированным профессионалом?

– Вы же хотели напасть на меня, – прошептала женщина после долгой паузы. Она еще крепче прижала кисть к груди – красные следы его пальцев подчеркивали белизну ее кожи. Ему стало стыдно.

– Я собирался вышвырнуть тебя отсюда!

Женщина промолчала.

– Этот дом принадлежит мне, – пригрозил он ей. – Нельзя вторгаться в частную собственность без приглашения, когда тебя не ждут, и без... без...

– Без подготовки? – подсказала она.

– Вот именно!..

Женщина не стала спорить. Просто осторожно встала на ноги. Когда она выпрямилась, ее слегка качнуло из стороны в сторону. Но она не обратила на это внимания – слишком занята была разглаживанием юбки и запахиванием короткого жакета, как будто тот мог ее защитить.

– Я знаю, что вы не хотели, чтобы я здесь появилась. Винсент пытался до вас дозвониться, но бесполезно. А я... мне нельзя ждать... поэтому я взяла у него ваш адрес и просто... ну, просто приехала сюда. Послушайте, обучите меня, – резко сказала она. – Просто обучите меня, больше мне ничего не надо. Всего один месяц вашего времени. Я заплачу вам сто тысяч долларов за то, что вы научите меня всему, что знаете сами.

– Какого черта?

– Один месяц – это все, о чем я прошу. Вам даже не придется покидать эту виллу, просто находитесь рядом и говорите мне, что я должна делать. Я гораздо сильнее, чем выгляжу. И быстро учусь, и не жалуясь.

– Да кто ты такая?

– Те... то есть Анджела.

– Те... то есть Анджела? Неплохо. Кстати, для протокола, зачем счастливой домохозяйке вроде тебя специальные тренировки, а, Те... то есть Анджела?

– Меня загнали в угол.

– Ну конечно... Кто?

– Что кто?

– Кто загнал тебя в угол?

Женщина замолчала, и Джей Ти покачал головой.

– Тебе нужен не наемник, а мозгоправ.

– Мужчина, – выдавила из себя женщина.

– Да неужели?

– Мой... – Казалось, она размышляет, в чем стоит признаться. – Мой муж. Бывший. Знаете, как это бывает.

Произнесла она это очень быстро, не отрывая взгляда от его лица, чтобы видеть, верит он ей или нет.

– И ты приехала сюда из-за домашних неурядиц? – На этот раз было видно, что Джей Ти испытывает брезгливость. – Дамочка, да если вы смогли напасть на след человека, подобного мне, то можете быть уверены, что половина Медельинского¹³ картеля уже готова предоставить вам свою помощь. Получи запретительный судебный приказ¹⁴, и дело с концом...

– Вы что, действительно верите, что клочок бумаги может испугать монстра? – У нее была совсем измученная улыбка.

– А как же иначе? Ты что, познакомилась с Винсентом на приеме, которой устроила компания по производству одноразовых предметов? Ты искала ненарушенные упаковки, а он восстанавливал отношения с ушедшими на покой развратниками...

– Нас представили друг другу. Один общий друг, который знает, что мне нужна помощь.

– Реальная помощь? – фыркнул Джей Ти. – Ты насмотрелась воскресных сериалов, дорогая. Советую обратиться в полицию Ногалеса. Я нарисую, как туда проехать.

– Как раз полиция его и потеряла, – тихо сказала женщина. – И вот теперь я обращаюсь к вам.

Состроив свою самую устрашающую гримасу, Джей Ти покачал головой. Она, полная достоинства и величия, продолжала стоять перед ним в своем ужасном белом костюме, с поврежденной рукой, прижатой к животу. Первый раз в жизни Джей Ти не знал, что сказать.

Спустилась ночная тишина, и теперь были слышны только плеск волн в бассейне и стрекотание цикад. За спиной женщины шуршало на ветру мескитовое дерево, а у ее ног, в свете ламп, поблескивали белые камни. Пурпурно-черная ночь была мягкой и обманчивой.

– Джей Ти, – прошептала женщина, – это вы спасли сирот в Гватемале?

– Что? – Его сердце застучало быстрее.

– Винсент рассказал мне о сиротах. Вы это вправду сделали? Без обмана?

– Нет, нет. Вот этого повесить на меня тебе не удастся, – он произнес это слишком резко, и они оба поняли это.

– Месяц, – повторила она. – Всего один месяц интенсивных тренировок. Самозащита, стрельба, уход от наблюдения, отслеживание...

– Контроль населения, сбор информации. Засады и противодействие им. Снайперская стрельба и противодействие ей. Инфильтрация и проникновение. Выход из операции и рубка концов. Все прелести секретных операций...

– Именно.

– Нет, ты ничего не понимаешь. Ты что, действительно думаешь, что машины для убийства делаются в течение пары недель? Ты, типа, думаешь, что Рэмбо возник из ниоткуда? Да для этого нужны годы! А потом еще десятилетия для того, чтобы научиться не ставить человеческую жизнь ни в грош и спускать курок, как будто цель – это не что иное, как простой арбуз, который ты использовал во время тренировок.

Женщина побледнела: было видно, что ей плохо.

– А ты хочешь стать просто посредственной машиной для убийства... Давай-ка, девочка, убирайся и больше сюда не возвращайся.

– Я... я... вы можете распорядиться мной.

– Что?

– На этот месяц я отдам свое тело в ваше полное распоряжение.

– *Chiquita*¹⁵, мне было гораздо интереснее, когда ты говорила о деньгах.

---

¹³ Один из крупнейших производителей и продавцов кокаина в мире.

¹⁴ Вид судебного приказа, которым суд предписывает тому или иному лицу воздержаться от совершения определенных действий в отношении другого лица.

¹⁵ Малышка (*исп.*).

Она улыбнулась, и на ее лице появилось понимающее, умоляющее и отстраненное выражение. Женщина опустилась на колени.

– Я готова умолять, – произнесла она, поднимая руки.

– Ради всего святого! – Джей Ти пересек патио и, схватив за плечи, потряс ее, как будто это могло сделать ее умнее.

– Пожалуйста, – просто сказала она. – Прошу вас.

Мужчина открыл рот. Ему одновременно хотелось и кричать, и выть. Хотя, возможно, сейчас было самое время скрежетать зубами. Джей Ти не знал, что сказать. Столько лет жизни в грязи, а он все еще не может отказать таким простым словам, как «прошу вас»...

– Черт тебя поberi совсем. Сегодня тринадцатое сентября, а я абсолютно трезв. Кто-нибудь принесет мне, наконец, выпить?

Женщина сделала шаг, повинувшись, но вдруг закачалась, и колени ее подломились.

– Вот именно, – сказал он, вне себя от гнева. – Немедленно в постель. Выбирай любую комнату с кроватью и ложись там. У меня еще осталось несколько часов «неразбавленной текилы», и я не хочу видеть тебя раньше четырнадцатого числа, если только ты не готова принести мне бутылку с лаймом в пупке и солью на сосках груди. – Джей Ти указал на стеклянную дверь. – Вон с глаз моих.

Она сделала шаг вперед и опасно наклонилась.

Выбора у него не было. С тихими проклятиями Диллон схватил ее на руки. Тело ее напряглось, и руки согнулись, как будто она хотела драться с ним, но ее общее состояние взяло над ней верх. Женщина повисла у него на руках, как воздушный шар, из которого только что выпустили воздух. Джей Ти чувствовал ее грудную клетку, хрупкую, как у птицы, он чувствовал ее запах – истощение и страх, и еще один таинственный аромат. Потом он понял, что это было – детская присыпка. Она пахла детской присыпкой.

Джей Ти чуть не уронил ее.

Он не хотел этого знать. Он отказывался это понимать.

Благодаря Фредди ближайшая спальня была убрана и проветрена. Бесцеремонно бросив женщину на кровать, Диллон спросил:

– Вещи?

– Один мешок.

– Где?

– В гостиной.

– Фредди принесет. Машина перед домом?

– На такси.

– И не под своим именем, *Анджела*?

– Точно. И заплатила налом.

– Неплохо, – фыркнул он.

– Я учусь, – честно призналась женщина. – Учусь.

– Хорошо, а теперь учись спать. Это тоже иногда нужно.

– Ты алкоголик? – спросила она, почти закрыв карие глаза.

– Иногда.

– А в другое время?

– Баптист. Спи.

– Я знаю, почему ты спас тех детей, – пробормотала она сквозь сон.

– Ты права. Спокойной ночи.

– Потому что ты скучаешь по семье.

Джей Ти замер посередине комнаты и почувствовал дрожь. *Рейчел и Тедди и золотые времена девственно-белых стен и четырехдверных седанов.*

Конечно, она была не права – ведь сам он не был сиротой, хотя ее слова и задели что-то в его душе.

– Ты сама не знаешь, о чем говоришь.

– Знаю, – ответила женщина, со вздохом закрывая глаза. – Ты нужен нам, мне и моей дочери. Ты – единственная надежда, которая у нас осталась.

– Черт, – еще раз повторил Джей Ти и направился за «Маргаритой».

Полночь. Некоторые бары в центре Ногалеса только открываются. Для Диллона было совершенно естественным выйти в такое время из дома одетым в джинсы и в легкую рубашку-шамбре, с карманами, полными денег, и неутолимой жаждой пива. В такие дни он обычно возвращался в четыре-пять часов утра, успев уговорить пять-шесть литров золотого напитка и сняв девицу побойчее – одно не существовало без другого.

Впервые в его жизни, насколько мужчина мог помнить, у Джей Ти в спальне дрыхла женщина с чемоданом собственных вещей. Впервые в его жизни женщина была у Джей Ти в доме, но не в его постели. Сам Джей Ти лежал лицом вниз на полу в гостиной в компании игуаны.

В доме было тихо, спокойно, воздух совершенно неподвижен. И все-таки мужчина знал, что все изменилось. Трехлетняя традиция была сломана. А его инструкции на такой случай были абсолютно четкими.

Он медленно пробрался через темный холл. Лунные лучи выкрасили комнату в серебряный цвет. В одном углу небольшая желтая лампа накаливания освещала игуану и голую ногу Джей Ти.

Мужчина повернулся и неслышно прошел в кабинет. Снял телефонную трубку – годы тренировок сделали его движения абсолютно бесшумными. На память набрал номер, заранее прикрыв рукой микрофон трубки, чтобы заглушить голос.

– У нас женщина, – проговорил он в трубку, когда на звонок ответили.

– Женщина?

– Ее прислал Винсент.

– Черт... – Долгая пауза. – Ее имя?

– Анджела, и всё. Имя фальшивое.

– Это понятно. Как она выглядит?

– Лет двадцать пять, пять футов два дюйма¹⁶, сто фунтов¹⁷, карие глаза, нормального телосложения, в оригинале – блондинка.

– Вооружена?

– Полуавтоматический «вальтер» 5,6 мм.

– Детская игрушка. Документы?

– Никаких.

– Что-то обязательно должно быть.

– Ничего, – повторил мужчина. – Я проверил чемодан – подкладку, флакон с лаком для волос, щетку для волос, стельки – все, что можно. Очень много наличных, но никаких документов. У нее акцент. Не могу точно определить какой. Возможно, она с Севера, из Бостона.

– Профессионалка?

– Сомневаюсь. Слишком многого не знает.

– Если вспомнить, кого Джей Ти обычно выбирает себе в партнерши, то не удивлюсь, если выяснится, что она топором зарубила своего мужа и детей.

---

¹⁶ Около 152 см.

¹⁷ Около 45 кг.

– Что мне делать?
– Он что, опять взялся за старое? – Вздох разочарования.
– Она же здесь, правда?
– Черт бы его побрал... Ладно, не дергайся, я все устрою. Просто седи и не высывайся.

– Хорошо.
– Ты правильно сделал, что позвонил.
– Спасибо. Как... как он?
– Он умирает. И мучается от боли, – раздалось после долгого молчания. – Хочет знать, почему его сына нет рядом.

– Он спрашивал обо мне?
– Нет, но ты не расстраивайся. Обо мне он тоже не спрашивает. Его всегда волновал только Джей Ти.

– Конечно, – в голосе мужчины послышались подходящие к случаю нотки сожаления. Много лет назад он уже отдал всего себя этому жесткому человеку. И с тех пор его верность не подвергалась сомнению – за все эти годы он просто привык к своему месту.

– Я позвоню, если что-то изменится.

– Да, пожалуйста.

– Спокойной ночи.

– И тебе тоже.

Мужчина положил трубку. Все это не имело никакого значения.

Неожиданно зажегся верхний свет. Он медленно повернулся и увидел Джей Ти, который стоял, прислонившись к притолоке. Его руки были сложены на голой груди, глаза налиты кровью, но взгляд тем не менее был пронизательным.

– Фредди, мне кажется, что нам пора поговорить.

Глава 3

Тесс Уильямс проснулась, как ее учили – медленно, шаг за шагом, так, чтобы никто не мог заметить, что она просыпается. Сначала проснулись ее уши, которые попытались услышать дыхание другого человека. После этого проснулась ее кожа, пытаясь почувствовать тело мужа, прижавшееся к ней со стороны спины. И наконец, когда уши ничего не слышали, а кожа никого не почувствовала, открылись ее глаза. Она автоматически бросила взгляд на стенной шкаф и на маленький деревянный стул, которым вчера, посреди ночи, подперла ручку двери.

Стул был на месте. Тесс осторожно выдохнула и уселась в кровати. Утреннее солнце уже ярко освещало комнату, и глинобитные стены в его свете казались веселыми и золотистыми. Было уже жарко. Ее майка прилипла к спине, хотя, возможно, она вспотела от тех кошмаров, которые снились ей ночью и которые никогда ее полностью не оставляли. Когда-то ей нравилось просыпаться по утрам, теперь это было не так приятно. Однако это все-таки лучше, чем ночи, во время которых она лежала с открытыми глазами, стараясь заставить их хоть ненадолго закрыться, чтобы поспать.

Ты сделала это, сказала она себе самой. Ты это сделала.

Последние два года Тесс постоянно убегала, сжимая ручку своей четырехлетней дочери и пытаясь убедить Саманту, что все будет хорошо. Она меняла имена, как перчатки, а новые адреса – как запчасти для автомобилей. Но ей никогда так и не удалось по-настоящему оторваться от преследования. Поздними вечерами Тесс сидела на краю кровати своей дочери, гладила ее длинные светлые локоны и смотрела на шкаф глазами человека, которому нечего терять.

Она знала, какие монстры могут прятаться в стенном шкафу. Она видела фото того, что они могут совершить, сделанные на месте преступлений. Три недели назад ее личный монстр сбежал из тюрьмы особого режима, забив до смерти двух охранников меньше чем за пару минут.

Тесс позвонила лейтенанту Лэнсу Диффорду. Тот позвонил Винсенту. Колеса закрутились. Тесс Уильямс спрятала Саманту, а потом уехала куда глаза глядят. А затем уехала еще дальше.

Сначала она ехала на поезде, который шел по полям, покрытым волнами зеленой травы, мимо металлических конструкций индустриальных городов. Потом пересела на самолет и пролетела над всей страной, как будто это могло помочь ей забыть. Ее путь был так далек, что она оставила осень далеко позади и вернулась в лето.

Приземление в Финиксе¹⁸ походило на высадку в лунный кратер – все было покрыто красноватой пылью и обрамлено голубоватыми горами, виднеющимися на горизонте. Тесс никогда в жизни не видела пальм – здесь они стояли вдоль всех дорог. Она никогда не видела кактусов – здесь они покрывали землю как отряды армии захватчиков.

Автобус вез ее в глубь незнакомой местности. Красные холмы исчезли, а солнце стало еще яростнее. Таблички с названиями городов сменились объявлениями:

**ТЕРРИТОРИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ
КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ БРАТЬ ПОПУТЧИКОВ**

Красный и коричневый цвета постепенно исчезли, и автобус, наконец, выкатился на территорию цвета жженого янтаря и выгоревшей зелени. Горы больше не напоминали доб-

---

¹⁸ Столица штата Аризона.

рых дедушек. В этой странной и безжалостной части Южной Аризоны даже холмы, казалось, подвергались пыткам со стороны бульдозеров и карьерных самосвалов.

Это была земля, где, обернувшись, можно увидеть настоящий загон для скота: где ящерицы прекрасны, а койоты очень милы. Это была земля, на которой тепличные розы выго-рали, а шипастые кактусы цвели буйным цветом.

И эта земля была прекрасна.

Тесс выбралась из кровати. Двигалась она медленно – левая нога у нее онемела, и шрам напоминал о себе фантомной болью. Левая кисть тоже побаливала – она была украшена несколькими глубокими царапинами. Хотя женщина видела, что ничего серьезного не произошло – отец в свое время научил ее определять переломы. По сравнению со всем остальным поцарапанная кисть не стоила ее внимания.

Она повернулась к постели и стала автоматически убирать ее, натягивая углы и разглаживая одеяло с армейской аккуратностью.

Четвертак должен легко отскакивать от поверхности этой кровати, Тереза. Молодость не извиняет небрежности. Надо все время стараться быть лучше и лучше.

Тесс поймала себя на том, что отворачивает простыню поверх легкого одеяла, и впи-лась пальцами себе в ладони. Резким движением сбросила одеяло на пол.

– Сегодня утром я не буду заправлять кровать, – сказала она пустой комнате. – Это мое решение.

Она больше не будет прибираться и мыть посуду или оттирать полы. Она слишком хорошо запомнила запах аммиака, когда мыла окна, натирала дверные ручки и перила. Она любила этот резковатый запах, который ассоциировался у нее с чистотой.

Это мой дом, и он не только выглядит чистым, но и пахнет чистотой.

Однажды, когда Тесс по своей инициативе натерла аммиаком переплеты окон, Джим даже похвалил ее. Женщина расцвела от счастья – после их женитьбы не прошло еще и года, а она, уже будучи на восьмом месяце беременности, готова была как собачонка радоваться его редким похвалам.

Позже лейтенант Диффорд объяснил ей, что аммиак используется для протирки поверхностей, когда с них хотят убрать отпечатки пальцев.

Теперь, почувствовав запах нашатырного спирта, она заболела.

Тесс бросила взгляд на кровать, на скомканные простыни, на сброшенные на пол покрывала. На какую-то минуту желание убрать кровать – и убрать ее хорошо, потому что надо становиться все лучше и лучше, – взяло над ней верх. На ее верхней губе выступили капельки пота, и она сжала кулаки, чтобы не поднимать одеяло.

Не смей сдаваться. Он манипулировал твоим сознанием, Тесс, но сейчас все позади. Ты принадлежишь себе самой, и ты крепкая девушка. Ты, черт возьми, победила. Победила.

Но слова ее не успокоили. Она подошла к трюмо, чтобы достать из сумочки свой писто-лет, и только в самый последний момент вспомнила, что тот выпал на патио.

Теперь он у Джей Ти Диллона.

Тесс замерла. Ей обязательно надо вернуть оружие. Она с ним ела, спала, гуляла. Она не может без оружия. *Она чувствует себя слабой, незащищенной, уязвимой.*

О боже. Ее дыхание ускорилося, желудок сжался, а голова закружилась. Она оказалась на грани паники, у нее начались судороги, и Тесс поняла, что она или возьмет себя в руки, или провалится в бездну.

Дыши, Тесс, дыши. Но дружелюбный воздух пустыни не давался, и ей пришлось, согнувшись, прижаться грудью к коленям, чтобы силой заставить себя сделать вдох. Она крепко зажмурила глаза.

– Могу я проводить вас до дома?

– Это вы мне? – удивилась девушка.

Она крепче прижала свои учебники к груди под школьным свитером. То, что этот офицер полиции обращается к ней, никак не укладывалось у нее в голове. Она была не той девушкой, к которой обычно обращаются симпатичные мужчины.

– Нет, – пошутил он. – Это я траве говорю. – Он отошел от дерева и улыбнулся улыбкой, от которой на его щеках появились две симпатичные ямочки. Все девочки в ее классе говорили об этих ямочках, они снились им во сне.

– Вы ведь Тереза Мэтьюз, правильно?

Она тупо кивнула. Ей надо идти. Ей обязательно надо идти. Она уже опаздывала, а ее отец не терпел опозданий.

Девушка осталась стоять, глядя на красивое лицо молодого человека. Он выглядел таким сильным. Представитель Закона. Цельная натура... В какой-то момент она подумала: если я все вам расскажу, то вы спасете меня? Кто-нибудь сможет меня спасти?

– Ну что же, Тереза Мэтьюз. Меня зовут офицер Беккет. Джим Беккет.

– Я знаю, – она смотрела на траву. – Вас все знают.

– И могу я проводить вас до дома, Тереза Мэтьюз? Будет ли мне позволено сделать это?

Она все никак не могла решить – чувства переполняли ее. Отец ее убьет. Только развратные женщины, испорченные женщины позволяют мужчинам провожать себя до дома. Но она не хотела, чтобы Джим Беккет уходил. Что же делать?

Он наклонился к ней и подмигнул. Его голубые глаза были такими спокойными, такими чистыми. Такими твердыми.

– Послушай, Тереза, я ведь коп. Если ты не доверяешь мне, то кому тогда вообще можно доверять?

– Я победила, – прошептала она своим коленям. – Черт побери, я победила!

Но ей почему-то хотелось плакать. Победа выглядела какой-то неубедительной, а ее цена – слишком высокой. Он творил с нею вещи, которые нельзя делать. Он отобрал у нее то, что она не могла позволить себе потерять. Даже сейчас она все никак не могла забыть его.

Очень скоро он ее убьет. Он же обещал вырвать у нее еще бьющееся сердце, а Джим всегда выполняет свои обещания.

Женщина заставила себя поднять голову и сделать глубокий вдох. Она так сильно прижала кулаки к бедрам, что ей сделалось больно.

– Борись, Тесс. У тебя нет другого выхода.

Она отошла от трюмо и подошла к своему чемодану, который принес в ее комнату вежливый Фредди. Она ведь смогла добраться сюда, а это была первая часть ее плана. Теперь она должна уговорить Джей Ти подготовить ее. Она смутно помнила, что в разговоре с ним упомянула о своей дочери. Это было ошибкой. Никогда не говори больше, чем это необходимо, и никогда не говори правды, если можно обойтись ложью.

Может быть, Джей Ти ничего не вспомнит, он ведь был не слишком трезв. Винсенту следовало бы предупредить ее о пьянстве Джей Ти.

Тесс мало что знала о Диллоне. Винсент сказал, что Джей Ти может сделать все, что захочет; правда, в последнее время он не хочет совсем ничего. Он вырос в богатой вирджинской семье с хорошими связями, учился в Вест-Пойнте, но по причинам, о которых никто не знал, поступил в Корпус морской пехоты. Потом демобилизовался и занялся «сольной карьерой», быстро завоевав репутацию человека, чья смелость граничила с безумием. Как наемник он брался только за невыполнимые задания – другие его не интересовали. Он ненавидел политику и любил женщин. Он был заиклен на выполнении своих обещаний, и ничто другое в мире его не интересовало.

Пять лет назад Джей Ти безо всяких объяснений бросил наемничество. Как блудный сын, он вернулся в Вирджинию, неожиданно женился, усыновил ребенка и поселился в провинции как простой обыватель. А позже шестнадцатилетний мальчишка на новом «Камаро»¹⁹, с правами, на которых еще не высохли чернила, убил жену и сына Джей Ти в лобовом столкновении.

И Джей Ти исчез в Аризоне.

Тесс не ожидала, что он окажется алкоголиком. И она не ожидала, что он окажется таким тренированным. Она думала, что он будет выглядеть старше, с заметным животиком – в общем, как человек, который знал лучшие времена, а теперь медленно катится вниз. Вместо этого Диллон оказался насквозь пропитан текилой. А вот тело его оставалось крепким и тренированным. Двигался он со скоростью молнии и легко сбил ее с ног. Черные волосы покрывали его голову, грудь и руки.

У Джима волос не было – ни на голове, ни на теле. Он напоминал мраморную статую. Как пловец, подумала Тесс в первый раз и только много позже поняла, какой же наивной она тогда была. Прикосновения Джима были всегда прохладными и сухими, как будто он был слишком идеален для таких вещей, как пот. Когда она первый раз услышала, как он писает в уборной, то почувствовала легкое удивление – он производил впечатление человека, который был выше всех этих биологических функций.

Джим был идеальным мужчиной. Если бы только разочарование не наступило так быстро.

Поэтому она выбирает Джей Ти Диллона. Ведь он однажды освободил сирот. Он был женат, и у него был ребенок. И он убивал за деньги.

Он вполне подойдет для ее дела.

А что, если Джей Ти Диллону придется слишком дорого заплатить за помощь ей?

Ответ был ей известен: она потратила годы, чтобы с ним свыкнуться.

Когда-то она мечтала о Белом Рыцаре, о мужчине, который и пальцем ее не тронет. О мужчине, который прижмет ее к себе и скажет наконец, что она в безопасности.

Теперь Тесс вспоминала, как ее палец лег на спусковой крючок пистолета. Как она надавила на него, как он дернулся, как прогремел звук выстрела и как в ушах у нее зазвенело.

Резкий запах сгоревшего пороха и хриплый крик Джима. Глухой удар тела, упавшего на пол. Запах свежей крови, льющейся на ее ковер.

Она все это помнила.

И знала, что способна на все.

---

¹⁹ Марка спортивного автомобиля компании «Шевроле».

Глава 4

Джей Ти поднялся с рассветом. Хотя ему этого и не хотелось. Глупо человеку, ушедшему на покой, подниматься с первыми лучами солнца, но он слишком долго был военным, чтобы избавиться от рутины, которая проникла в его кровь, мышцы и сознание.

06.00 – подъем. 06.15 – легкая разминка. 06.30 – настоящий десантник проплывает бассейн пятьдесят раз из конца в конец. 07.00 – ушедший на покой мужчина открывает банку пива, стоя посреди своей гостиной, и размышляет, какого черта он поднялся в 06.00.

Сейчас было четырнадцатое сентября, а времени – уже больше девяти часов утра. И так, он прожил еще один год и остался один на один с похмельем, обезвоживанием и ненавистью к своему собственному телу. С текилой покончено – теперь он переходит на пиво.

Джей Ти заканчивал уже третью банку, когда на ежегодную уборку после запоя явилась Розалита. Рожденная в семье, где было одиннадцать детей, она использовала свой инстинкт самосохранения для того, чтобы превратиться в одну из лучших шлюх в Ногалесе. Джей Ти встретил ее в первую неделю после своего переезда и снял ее в своей обычной манере. Через год их отношения превратились в нечто, что ни один из них не желал характеризовать. Как шлюха, Розалита была совершенно отморозенная в постели, но как деловая женщина придерживалась железных принципов, а по агрессивности ни в чем не уступала тигрице. Она была одной из немногих, кого Джей Ти уважал, и принадлежала к совсем узкому кругу людей, которые пользовались его безграничным доверием. Скорее всего, они стали друзьями.

На ней была короткая красная юбочка и тонкая белая рубашка, завязанная узлом под ее полными грудями. В таком наряде Розалита взгромоздилась на колени Джей Ти, который одной рукой поглаживал ее бедро. На это она не обращала никакого внимания, так как ее интересовало только его лицо.

Его грудь она прикрыла небольшим выцветшим зеленым полотенцем и теперь взбивала в стаканчике пену для бритья, которую щедро накладывала на его щеки. Розалита верила, что настоящий мужчина должен бриться только по старинке – опасной бритвой, балансируя на самом краю опасности.

Джей Ти был хорошо знаком с ее темпераментом, поэтому сидел абсолютно неподвижно.

Он сидел и расслабленно наблюдал, как день приобретает теплые краски так же, как это происходило вот уже несколько лет подряд, но даже в таком состоянии он сразу почувствовал, когда *она* вошла в комнату.

Она была босиком и ступала по полу абсолютно бесшумно, но ее с головой выдал ее запах. Ему было всего шесть лет, когда его отец научил его проветривать одежду, мыться мылом без запаха и полоскать рот перекисью водорода, чтобы олень ничего не мог унюхать, когда он подбирался к нему сзади. В те годы Джей Ти воспринимал эту науку как дар богов. Его гибкий, как хлыст, прямой, как копье, мудрый, как змея, отец был в его глазах высшим существом, единственным человеком на свете, который мог убить оленя-шестилетка одним выстрелом. У Полковника было много талантов.

Розалита заметила Анджелу, остановившуюся в дверях. Ее пальцы впились в подбородок Джей Ти.

– *Hijo de puta!*²⁰ – сказала она, как выплюнула.

Джей Ти легонько шлепнул ее и поднес к губам бутылку «Короны»²¹.

---

²⁰ Сукин сын (*исп.*).

²¹ Сорт мексиканского пива.

– Анджела, это Розалита. Розалита, это Анджела. Анджела является гостьей в нашем санатории для ушедших на покой. А Розалита... кем ты у нас будешь? Хозяйка и аниматор международного уровня? – Джей Ти взглянул на Анджелу. – Каждый год, четырнадцатого сентября, Розалита приводит меня в порядок. Можно сказать, что это ее ежегодная обязанность.

Анджела кивнула, переводя взгляд с него на женщину и обратно. Было видно, что ей неудобно.

– Рада познакомиться, – произнесла она, наконец, подчеркнуто вежливым голосом.

Розалита замерла, а потом разулыбалась. Потом рассмеялась. Она продолжала повторять эти слова по-испански, хихикая все больше и больше. *Рада познакомиться* были не те слова, которые женщины обычно говорят шлюхам. Такое могла сказать только «порядочная девочка», а Розалита дожила уже до такого периода в своей жизни, когда могла не бояться конкуренции со стороны «порядочных девочек».

Она опять взяла бритву и заставила Джей Ти откинуть голову и открыть ей свою шею. Затем с горящими глазами провела сверху вниз по его горлу.

Анджела испуганно втянула воздух сквозь зубы.

– Она еще не собирается убивать меня, – произнес Джей Ти тоном светского сплетника. – Я один из немногих, кто готов заплатить ей настоящую цену.

Потребовалось всего четыре точных движения, чтобы шея десантника оказалась идеально выбритой. Теперь Розалита повернула голову мужчины набок и занялась щекой.

Анджела, наконец, полностью вошла в комнату: на ней были старая белая майка с рукавами и мятые шорты цвета хаки, которые когда-то были ей впору. Сейчас же одежда просто висела на ней. При свете дня ее плохо прокрашенные и ужасно подстриженные волосы выглядели еще хуже, чем ночью, – казалось, что на ней уродливый парик. Это почему-то дико раздражало Джей Ти.

– Рука? – рявкнул он, заставив вздрогнуть обеих девушек.

– Рука? Ах, это... С ней все в порядке. Просто царапины.

– У меня есть лед. Надо приложить.

– Да нет, необязательно. Она даже не распухла. – Женщина двигалась по комнате на кончиках пальцев, почти прислонившись спиной к стене. Пока Джей Ти рассматривал ее, пытаясь придумать что-то, что бы его успокоило, девушка внимательно изучила все ходы и выходы. Было видно, что когда-то ей говорили о безопасности.

Нахмурившись, она пристально уставилась на игуану.

– Живая, – подсказал Диллон.

– Что?

– Я про игуану. Его зовут Глаг. Он живой.

– А-а-а, – несколько секунд Анджела продолжала глядеть на Глага. Животное не шевелилось.

– А где Фредди? – спросила она.

– Я дал ему денек отдохнуть.

– Дали денек отдохнуть?

– Ага.

– Так здесь никого нет?

– Вряд ли Розалита согласится, чтобы ее называли «ником».

– Но ведь она здесь не живет, правда?

– Точно.

– Значит, здесь сегодня будете только вы?

Женщина явно нервничала. Ее поза из расслабленной превратилась в настороженную. Ноги на ширине плеч, плечи развернуты, бедра слегка опущены для лучшего равновесия. Так же, как и ночью, это его насторожило.

Неожиданно он понял.

– Коп.

Женщина замерла.

– Точно. Я еще вчера заметил, ты стоишь как коп. Ноги раздвинуты, грудь выдвинута для равновесия, левая нога слегка сзади правой, для защиты кобуры с оружием.

Было видно, что он загнал ее в угол.

– Хотя ты и не настоящий коп. Даже оружие в руках держать не умеешь, – Джей Ти нахмурился и повернул голову так, чтобы Розалите было удобнее брить его щеку.

– Я не коп, – согласно пробормотала она.

– Тогда кто же ты, *Анджела*? И что ты там говорила про свою дочь?

– Какую дочь? – переспросила она фальцетом.

– Слушай, кончай уже. Врать ты совершенно не умеешь.

– Тогда вам придется научить меня, – улыбка вышла кривой.

– *Idiotas*, – вмешалась Розалита. Она схватила полотенце и вытерла пену с лица Джей Ти с гораздо большим усилием, чем этого требовала обстановка. – *Hombres y mujeres? Bah. Perritos y gatitas*²².

Еще раз покачав головой, она оперлась рукой на обнаженную грудь мужчины и попыталась встать. Джей Ти положил одну руку ей на бедро.

– Подожди.

Он подвинул ее на коленях так, что ее аппетитные бедра прижались к нижней части его живота. Анджела замерла, ожидая, что произойдет дальше.

– Ты только посмотри на нее, – сказал Джей Ти Розалите, указывая пальцем на Анджелу. – Ты только взгляни на ее прическу. Она не может ходить в таком виде.

Розалита осмотрела женщину с ног до головы. Было видно, что та не произвела на нее никакого впечатления.

– Я не могу больше видеть ее такой, Розалита. С таким внешним видом ей только не хватает таблички с надписью «подозреваемая» на груди. Приведи ее в порядок для меня, ладно? Будем считать, что это мое доброе дело в нынешнем квартале.

– Вы слишком добры, – пробормотала Анджела.

– Естественно, я заплачу, – продолжал Джей Ти, не сводя взгляда с Розалиты.

Обещание денег мгновенно все изменило – Розалита потребовала двадцать, но согласилась на десятку. Джей Ти взял деньги у скептически настроенной Анджелы, заметив, что хуже уже все равно не будет. Секундой позже Розалита усадила Анджелу в кресло Диллона и закрыла ее грудь и шею зеленым полотенцем. Пока она готовилась пустить в ход свои ножницы, десантник откинулся на спинку дивана и открыл свежую бутылку пива, не обращая внимания на осуждающий взгляд Анджелы. Взглянув на ее руку, лежавшую на колене, он увидел, что та сильно исцарапана.

Ну вот ты и дошел до того, что бьешь женщин, Джей Ти. Куда дальше?

В напряженной тишине своей комнаты мужчина не мог найти ответа. Он никогда не считал себя великим человеком, даже просто приличным себя не считал. Но у него было несколько принципов, которые скрашивали ему жизнь. Никогда не ври и не притворяйся. Не причиняй незаслуженно вред людям, которые слабее тебя – в мире достаточно сукиных детей, которые этого заслужили. И никогда, ни за что не бей женщину.

Если бы Рейчел могла видеть его в этот момент, ей стало бы стыдно.

²² Идиоты. Мужчина и женщина? Как же. Щенок и котенок (*исп.*).

Диллон пересек комнату, подошел к раздвижной стеклянной двери и стал наблюдать за игрой солнечных лучей на ряби бассейна.

– *Terminé!*²³ – объявила Розалита.

Нехотя Джей Ти повернулся, чтобы увидеть новую Анджелу. А увидев, потерял дар речи.

Розалита состригла почти все ее волосы. Искусно уложенные пряди торчали возле ушей, на затылке и над глазами. Прическа больше подошла бы мальчишке, но у мальчишек не бывает таких высоких скул, крохотных носиков и полных губ. У мальчишек не бывает глаз светло-карего оттенка размером с блюдца, вставленных в рамку из густых, длинных ресниц.

– Боже, – только и смог произнести мужчина. – Святой истинный Боже...

Он стал мерять шагами комнату. Даже сейчас Джей Ти чувствовал, как в животе у него нарастает нервное напряжение.

– Это... Совсем не плохо, – произнесла Анджела, посмотрев в ручное зеркальце. Было видно, что она тоже потрясена своим перерождением.

Розалита собрала парикмахерские принадлежности и вышла из комнаты, оставив их вдвоем. В комнате повисла напряженная тишина. Пальцы Анджелы, лежавшие на ее коленях, непроизвольно шевелились.

– Хочешь совет? – неожиданно спросил Джей Ти. – Бесплатный.

– Это что, второе доброе дело, и все в один день? Я думала, что вы уже исчерпали вашу годовую квоту.

– Считаю, что я дал слабину. Так ты хочешь совет или нет?

– Слушаю.

– Покрась волосы, – сказал Джей Ти равнодушным голосом. – Это первое правило маскировки – всегда старайся выглядеть больше собой, чем ты есть на самом деле. Я бы посоветовал темно-каштановый цвет – он подходит к твоему натуральному окрасу. В этом случае никто не обратит внимания на твой новый вид – а сейчас ты слишком выделяешься.

– Ах, вот как.

– Да, именно так. Пойди в аптеку, купи краску для волос, и через тридцать минут тебя не узнает ни одна живая душа.

– Спасибо.

– Вижу, что совет не понравился, – произнес он с гримасой.

– Джей Ти, послушайте, я насчет вчерашнего дня. Мне надо с вами переговорить. Я...

– Есть хочешь? – мужчина повернулся к ней. – Тебе надо больше есть. Я могу приготовить овсянку.

Анджела заколебалась – было видно, что она хочет вернуться к предыдущему разговору, – и заметила:

– Тогда это будет уже три добрых дела подряд.

– Считаю, что это все мое дурацкое воспитание.

– Думаю, что завтрак не помешает, – она кивнула на полупустую бутылку пива, которую он держал в руке. – А вы, я смотрю, уже позавтракали.

– Ага.

– Вы всегда так много пьете?

– Нет, обычно гораздо больше.

– Винс не говорил, что вы алкоголик.

– А кто сказал, что я *алкоголик*? Наоборот, я трезвенник с признаками нимба над головой.

---

²³ Готово! (*исп.*)

Джей Ти постукивал бутылкой по бедру. У нее акцент. Северный акцент. Явно получила образование. Что заставило образованную женщину из северных штатов появиться на мексиканской границе, измученной, оголодавшей и явно запуганной?

Его глаза опустились ниже.

Черт.

Он сделал шаг вперед. Она напряглась, но это не имело значения.

Он подошел очень близко, хотя она и вдавилась в стену, пытаясь отодвинуться как можно дальше. Не обращая внимания на ее напряжение, провел пальцем по кошмарному шраму, который проходил по ее бледному бедру. Широкий. Блестящий. Со множеством ответвлений. Такие шрамы обычно остаются, когда ломается кость, разрывая мышцы и кожные покровы.

– Это он?

Анджела молчала.

– Черт побери, это сделал он?

Она открыла было рот, но потом передумала и просто смотрела на него.

– Кто, черт возьми, ты на самом деле, Анджела?

– Женщина, которой нужна помощь.

– Что, твой муж был таким плохим?

– Нет, – просто ответила она. – Он был простым монстром.

Джей Ти отвернулся. Он опять разозлился. Это была его вечная проблема. Он легко злился по любому поводу, но это не помогало ему решать проблемы. *В руках. Держи себя в руках. Это не твоя проблема. Тебя это не касается.*

Но он не мог видеть этот шрам на ее бедре. Это заставляло его вспомнить о тех вещах, которые он честно старался забыть последние несколько лет. У него появилось желание заехать этому бывшему мужу в физиономию.

Джей Ти заставил себя расслабиться и глотнул пива. Он не заговорил до тех пор, пока не был полностью уверен в своем голосе.

– Я приготовлю овсянку.

– Спасибо.

– Не за что, детка. Ведь ты ее еще даже не попробовала.

Анджела прошла вслед за ним на кухню. Джей Ти гордился ею – ее придумала Рейчел. Он много знал о бассейнах, а за последние несколько лет стал неплохо разбираться в ландшафтном дизайне. Однако об интерьерах не знал ничего. В казарме ты просто вешал плакат с девчонкой на стену, и это считалось верхом изысканности.

У Рейчел же красота была в крови, поэтому именно она придумала дом в Монтане, где они собирались жить. Там были бездонные небеса, и супруги чувствовали себя там свободными. Он собирался заняться лошадьми, а она – дизайном внутренних интерьеров. Может быть, у них появится еще один малыш – Тедди не хватало маленькой сестрички, с которой он мог бы играть. И их дети выросли бы нормальными людьми, без кошмаров, от которых просыпаются по ночам.

Теперь все эти мечты в прошлом. У Джей Ти осталась только кухня, которую придумала Рейчел, – большая, прохладная комната с полом из красной плитки и столами с покрытием, напоминающим яичную скорлупу. Печь была большая и украшенная стручками красного перца. Над ней, на полке висела громадная коллекция медных сковородок, кастрюль, черпаков и прочих кухонных причудалов. Каждый из них он повесил именно туда, куда бы его повесила Рейчел, – он не забыл, как она в восторге описывала эту кухню каждую ночь, когда они лежали в кровати, прижавшись друг к другу, и мечтали, как дети.

– Милая кухня, – раздался у него за спиной голос Анджелы. – Вы много готовите?

– Вообще не готовлю.

Джей Ти подошел к раздвижной стеклянной двери, которую Розалита оставила слегка открытой. Жара проникала сквозь щель, как щупальца какого-то таинственного животного. Он захлопнул дверь.

– А вы ее не запретите?

– Что запрю?

– Дверь.

– Нет.

Короткая пауза. Диллон стал рассматривать сковородки и ковшики, пытаясь понять, какой подойдет лучше. Он уже очень давно ничего не готовил. Готовка – это обязанность Фредди.

– А входная дверь у вас заперта?

– Нет.

– А... а можно я ее закрою?

Джей Ти взглянул на женщину. Она стояла возле деревянного стола, нервно вертя пальцами. Глаза ее не отрываясь смотрели на сдвижную стеклянную дверь.

– Милочка, это Ногалес. Его пригороды. Здесь совершенно не о чем беспокоиться.

– Пожалуйста.

Его стало раздражать то искусство, с которым Анджела пользовалась этим словом.

– Ты просто напугана, – констатировал он.

Она не стала возражать.

– Ты что, боишься, что он выследит тебя? Этот твой плохой бывший муж?

– Вполне возможно. Он специалист по слежке.

– Но ты же сказала, что платила налом и использовала подставные имена.

– Да.

– Тогда волноваться не о чем.

Джей Ти повернулся к плите, но услышал у себя за спиной какое-то движение, а потом – щелчок закрываемого замка. Да и черт с ней. У него не было настроения рассказывать ей о небольшом арсенале, который он держал у себя в сейфе, и о том, что, даже будучи мертвецки пьяным, он попадал в десятицентовик с расстояния двухсот ярдов²⁴ в десяти случаях из десяти. Если уж ей так хочется закрыть двери, то он не возражает.

Десантник вскипятил воду. Открыв коробку с овсянкой, он задумался, сколько ее надо высыпать. Потом высыпал половину и решил, что все может катиться прямо к чертям. Если уж у него хватает ума готовить взрывчатку, то с овсянкой он как-нибудь справится.

– Обычно люди как-то отмеряют ее, – заметила Анджела, возвращаясь в кухню.

– Я люблю рисковать.

– Верните мне мое оружие.

– Этот промокший «вальтер»? От рогатки и то больше пользы.

– Верните мне пистолет.

Это вызвало у Диллона раздражение. Слишком многие люди считают, что оружие может решить все проблемы. Неправда. И он это знал лучше других. Ему не было равных в обращении с винтовкой, но все, кого он любил, погибли. Оружие ничего не решает.

– Давай сначала позавтракаем, – предложил Джей Ти и вывалил овсянку в две миски. По виду она напоминала грязь. Он посыпал содержимое мисок изюмом и налил два стакана молока. Анджела смотрела на овсянку так, как будто это была не известная науке форма жизни.

---

²⁴ Около 180 м.

– Ешь, – велел Диллон. – Жесткие парни никогда не отказываются от питательной еды. Черт, если бы мы были в поле, я бы присыпал ее жуками – чистый протеин.

– Не знала, – призналась Анджела и, наконец, опасливо зачерпнула первую ложку и отправила ее в рот. Глаза ее были закрыты. Она была похожа на ребенка, и Джей Ти опять с болью и отчаянием вспомнил Тедди.

– Ого, – только и смогла произнести Анджела.

– Я же говорил, что не повар, – он одну за другой проглотил сразу три ложки. – Если не жевать, то все не так ужасно.

В ужасе женщина оттолкнула миску. Диллон немедленно поставил ее перед ней опять.

– Ешь, – приказал он еще раз. – Я совсем не шучу – солдат ест то, что ему дают. Тебе нужно железо, Рэмбо, поэтому кончай мечтать об обслуживании в номерах.

На какую-то секунду ему показалось, что Анджела откажется повиноваться, но она взяла ложку и посмотрела на овсянку таким взглядом, как будто это была вершина, на которую она обязана подняться.

– Я могу, – произнесла она, погружая в нее ложку.

– Это просто овсянка, Анджела, а не конец света.

Не говоря ни слова, она доела овсянку. После этого вымыла миски с таким изяществом, как будто занималась этим всю жизнь.

Джей Ти не привык, что в доме может находиться кто-то, кроме Фредди или Розалиты. Он чувствовал себя некомфортно и, что еще хуже, испытывал чувство вины. Правила вирджинского этикета встали у него перед глазами. Ему надо надеть рубашку. Он должен надеть обувь. Он должен придвинуть кресло этой очаровательной молодой леди и предложить ей стакан лимонада, сделать пару комплиментов ее красоте и побеседовать о погоде.

– Почему вы переехали в Аризону? – спросила Анджела, с шумом ставя вымытые миски на сушку. Рука, по-видимому, ее совсем не беспокоила.

– Не надо надевать мотоциклетный шлем.

– Ах, вот как...

Женщина не знала, что еще сказать. Сам Джей Ти не знал, что сказать, уже давным-давно. Он стал отсчитывать в уме секунды. На шестой Анджела закрыла воду и усталилась на него решительным взглядом.

– Я никуда не уйду, – объявила она. – Мне нужна ваша помощь, и рано или поздно вы с этим согласитесь.

– Ни с чем я не соглашусь. Все это ложь от начала и до конца.

– Вы не хотите услышать правду, – ее губы превратились в тонкую ниточку. – Я встречала мужчин вроде вас. Вы ни во что не хотите вмешиваться. Считаете, что будете счастливее в вакууме, где сможете вволю заняться самобичеванием.

– Так ты считаешь, что моя главная проблема – это самобичевание? Сначала был алкоголь, а теперь это? Часто смотришь передачи Опри²⁵?

– Вы думаете, что вам будет лучше, если вы никогда больше не будете ни о ком заботиться.

– Можешь доказать, что я не прав?

– А мне ваша забота не нужна, мистер Диллон. Вы можете вообще... ни в грош меня не ставить. Но вот обучить меня вы должны.

– Ты хочешь, чтобы я стал твоей дрессированной собачкой, – поправил ее Джей Ти. – Хочешь, чтобы я слушал твое вранье, выполнял все твои желания и ни о чем не спрашивал. Я знаю, как это бывает – тоже иногда смотрю Опру.

---

²⁵ Имеется в виду Опра Уинфри, известная американская телеведущая.

Он отбросил стол и пересек помещение. Прошел за стойку и продолжал двигаться, сощурился, глаза, которые от этого превратились в темные щелчки. Увидел, как ее рот открылся, но слова протеста застряли у нее в горле. Она отступила на шаг, но уперлась спиной в раковину. Ловушка захлопнулась.

Он прижал ее к мойке. Ее дыхание стало прерывистым, но она не отвернулась от него. Напротив, подняла подбородок и встретилась с ним глазами. Он наклонился над ней так, что ее грудь прижалась к его обнаженному торсу, чтобы она поняла, *что* он может с ней сделать. Дыхание Джей Ти щекотало ей щеку – свое она задержала, чтобы увеличить расстояние между ними.

– Я тебе не верю, – сказал он нежным, но угрожающим голосом. – Я никогда не поверю, что женщина может оставить ребенка и через полстраны прилететь в дом к наемнику только потому, что ее бывший муж ее поколачивает. А мне не нравится, когда мне лгут и пытаются использовать. – Руками он оперся о край умывальника.

– Зачем женщине нужен специально обученный профессионал? – Анджела нервно облизала губы, но потом взяла себя в руки и продолжила уже более твердым голосом: – Мужья, отцы, любовники ежеминутно убивают свои жены, дочери и любовниц.

– Тогда найми себе телохранителя.

– Мне не нужен телохранитель! Я хочу научиться драться. Я хочу научиться защищать свою дочь. Я уже устала от того, что постоянно в страхе бегу куда-то! Вы, – ее палец уперся ему в грудь, – не имеете никакого понятия о том, что значит быть испуганной и чувствовать себя уязвимой. А я – имею. И я от этого устала. Я хочу вернуть себе нормальную жизнь. – Она схватила одну из керамических мисок, разбила ее о край раковины и взяла в руки один из острых осколков, как нож.

– Когда-то я, наверное, слишком медленно соображала. Даже думала, что если буду послушной, старательной и покорной, то это охранит меня от всех бед. Ни «покорности», ни «послушания» вы от меня больше не дождетесь. Так что лучше не шутите со мной, мистер Диллон. Вы еще не знаете, на что я способна.

Она прижала острый керамический осколок к его груди с такой силой, что повредила ему кожу. Царапина появилась как раз рядом с зигзагообразным шрамом, который исчезал у него в шортах. Это была память о человеке, у которого был взрывной характер, быстрая реакция и начисто отсутствовало чувство сострадания. Глядя ей в глаза, Джей Ти пытался понять, обладает ли Анджела теми же качествами. Скорости у нее не было никакой, опыта – тоже, но он нашел в ее взгляде кое-что получше: полное отсутствие каких-либо эмоций.

– Боже, а ведь ты опасная женщина.

– Я быстро учусь.

Резкий звук заставил их обоих вздрогнуть. Сирены. Воющие сирены, которые приближались к его дому. Диллон отошел от женщины.

Первая его мысль была о Марион, но потом он взглянул на свою гостью. Та застыла как изваяние. На ее лице был страх. Почему полицейские сирены должны привести женщину, которая скрывается от своего мужа, в такой ужас? И вот тогда Джей Ти абсолютно ясно понял, что его используют втемную.

– Что ты натворила?

– Ничего. Абсолютно ничего, – пробормотала она в ответ.

Сирены приблизились. Три машины, понял он. Три машины, которые сейчас подъедут к его дому и разрушат его жизнь.

– А почему ты так боишься? Что ты недоговариваешь?

В ее глазах появилось сомнение. Она попыталась вырваться, но он держал ее слишком крепко.

– Отпустите меня. Я не сделала ничего плохого. Я просто не хочу, чтобы кто-то знал, что я здесь. Особенно копы.

– Это еще почему, Анджела?

– У него есть связи. Это небезопасно...

– Опять *ОН*? Этот всемогущий *ОН*... Загадочный мужчина, который то ли бьет, то ли не бьет тебя, который то ли повредил, то ли не повредил твою ногу. Которого может вообще не существовать в этой жизни. Я уже устал от *НЕГО*, Анджела. Если ты хочешь, чтобы я помог, то придумай что-нибудь поумнее.

– Я говорю правду. Джим хочет, чтобы я умерла. Вернее, нет, не так – он хочет, чтобы я мучилась и страдала. Я видела фотографии. Я видела, что он сделал... – Ее голос затих. И вдруг она словно взбесилась и яростно обрушилась на него с кулаками. Попыталась ранить его в плечо осколком миски, но он отвел удар и выбил осколок у нее из рук.

– Отпустите меня! – закричала женщина.

Сирены остановились около дома.

– Боже мой, – прошептала Анджела. – Может быть, он уже нашел меня...

Джей Ти сжал ее плечо, но неожиданно вся его уверенность куда-то испарилась. Ее страх был неподдельным, а паника – совсем реальной. Он почувствовал, как ее худенькое тело начинают сотрясать судороги.

– Анджела, да скажи же ты правду. Ну, давай же!

– Он был копом! Ты что, так еще ничего и не понял? Он был копом!

В шоке Джей Ти отступил на несколько шагов и выпустил ее. Он сильно удивился, хотя и не мог понять почему. Ведь не было закона, в котором говорилось бы, что все копы должны обязательно быть хорошими ребятами, также как ни один закон не гарантировал, что уважаемые обществом военные полковники не могут в качестве хобби истязать свою собственную семью.

Анджела вышла на середину комнаты. Руки ее лежали на бедрах.

– Мне нужен пистолет. Верни мне его.

– Не могу.

– А чего ты боишься? Ты что, думаешь, что я попытаюсь пробиться с помощью этой пукалки?

– Оружие тебе не поможет.

– Раньше помогло. – Она сделала круг по комнате. – Я ухожу. Скажи им, что хочешь. Я не позволю им увидеть себя. Я думала, что конфиденциальность – это обязательное условие твоей работы.

– Послушай...

– У меня нет времени, – женщина не остановилась.

Они оба услышали, как открылась и захлопнулась дверь первой машины.

Анджела не повернула головы. Через секунду Джей Ти услышал, как захлопнулась дверь ее комнаты и защелкнулся замок. Ему представилось, как маленькая Анджела прячется под кроватью и тихо сидит там, как последний защитник Аламо²⁶.

Он остался на кухне в одиночестве с чувством, что потерял контроль над ситуацией. А что, если это действительно ее бывший? Что он, Джей Ти, должен сделать? Он же не может остаться в стороне?

Затем Диллон услышал голос из мегафона. Джей Ти расслабился. Губы его растянулись в улыбке. Можно забыть про этого ужасного Джима.

Это была его сестра, которая примчалась к нему на помощь, вызванная Фредди.

---

²⁶ Битва за Аламо (23 февраля – 6 марта 1836 г.) – самая известная битва т. н. Техасской революции. Из всех защитников миссии в живых осталось только два человека.

Он расправил плечи и приготовился к настоящей войне. Тот, кто когда-то написал, что кровь – не вода, никогда не встречался с Диллонами.

Глава 5

В своей жизни Марион Маргарет Макаллистер совершила только два преступления: первое – она родилась вторым ребенком в семье; второе – она родилась девочкой.

Со временем Марион сделала все, чтобы исправить это. В мужском мире ФБР она стреляла лучше, дралась яростнее и мыслила острее, чем ее коллеги-мужчины. За ее светлые волосы и кожу, а также за ее невозмутимость ей дали прозвище Ледышка, и оно ей нравилось.

Но две недели назад ее мир стал разваливаться на части.

Ей только что исполнилось тридцать четыре года, и ее обошли повышением по службе, объяснив, что она еще слишком молода. Место получил Уильям Уокер, которому было тридцать шесть и который спал с дочерью заместителя директора. Ее отец умирал от рака простаты, и этот процесс уже сильно затянулся, а муж, с которым она прожила десять лет, бросил ее ради официантки в баре.

А прошлой ночью ей позвонил Фредди. Джей Ти, как всегда, гениально рассчитал время.

Марион сделала знак полицейским Ногалеса оставаться на местах и одна подошла к дому. На ней был ее любимый синий брючный костюм. Очень модный и очень деловой. В Аризоне было жарковато, поэтому она с удовольствием дотронулась до холодной стали своего служебного пистолета.

– Доброе утро, Марион, – произнес Джей Ти, растягивая слова. Он прислонился к дверному косяку, полуголый и весь помятый, как будто только что вылез из койки от женщины. – Мило, что ты приехала.

– Мы получили сигнал о проникновении в дом. Я приехала проверить.

– Прямо из Вашингтона?

– Чего не сделаешь ради старшего братца, – она горько улыбнулась, увидев, что ее шпилька попала в цель. – Отойди в сторону, Джей Ти. Офицеры общут твой дом.

– Не уверен.

– Джордан Терранс...

– Фредди позвонил тебе из города?

Десантник встал поудобнее, скрестив ноги в коленях. Фредди сказал ей, что он много пьет. Марион надеялась, что увидит соответствующие изменения, но даже алкоголь не увеличил объема талии или живота этого сукина сына. Джей Ти оставался все таким же стройным и тренированным, каким она его запомнила. Мальчик, который выигрывал все соревнования по плаванию. Сын, который стрелял так, что его отец по праву им гордился. Ей хотелось придушить его.

– Фредди подал заявление, – упрямо повторила она.

– А я-то думал, что мы с ним поняли друг друга.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, что он звонит тебе, – Джей Ти внимательно изучал свои ногти. – Я знаю, что он папашин соглядатай. Вы оба так боитесь, что в один прекрасный день я напьюсь до такой степени, что начну говорить правду... Но расслабься, я говорю ее уже давно, только она никого не интересует.

– Не понимаю, о чем ты...

– Я отослал его. Сказал Фредди, что он может взять несколько выходных – мне казалось, что моему гостю не понравится общество. Что же касается меня... – Десантник пожал плечами. – Фредди хорошо смешивает «Маргариту». Но сейчас мне придется серьезно задуматься.

маться о его дальнейшей судьбе. Сообщить полиции, что в доме чужие, – это умно. Думаю, что он гораздо умнее, чем мы все думаем.

– Так, значит, чужие в доме все-таки есть! Отойди в сторону.

– Нет.

– Черт тебя побери совсем, Джей Ти. Я знаю, что в доме находится женщина. Что ты о ней знаешь? Если вернуться к твоим прежним делам...

– Не будем касаться моего прошлого.

– Мы обыщем дом, Джей Ти. Я хочу, чтобы эта женщина убралась подобру-поздорову.

– У тебя есть ордер?

– Конечно, нет. Мы проверяем сигнал о проникновении в дом посторонних...

– А я, как владелец этого дома, говорю, что здесь нет посторонних. А теперь забирай своих маленьких синеньких человечков и поищи себе занятие поинтереснее.

– Упрямый пьяный сукин...

– Марион, ты так и не научилась проигрывать.

– Джей Ти, как твоя сестра...

– Ты стыдишься меня и стесняешься, что ты моя родственница, а в особо удачные дни желаешь мне смерти. Все это, Марион, я уже знаю. Эти проявления теплых семейных чувств всегда согревают мне душу.

– Смотри, Джей Ти, если я найду у тебя в доме незарегистрированное оружие...

– Это Аризона, сестричка. Оружие здесь разрешено официально. Тебе здесь точно понравится...

– Я приехала, чтобы помочь, Джей Ти...

– Нет, Марион, неправда. Ты все еще выполняешь указания папочки, и мы оба об этом знаем. – Неожиданно его голос стал мягче. – Почему ты никогда не заедешь просто так, Ягодка? Почему мы все время воюем с тобой?

Марион чуть не задохнулась из-за высокого воротника своего костюма и на несколько минут забыла о своем гневе.

Джей Ти выпрямился и оттолкнулся от притолоки.

– Отошли копов. Папа никогда не любил, когда чужаки суют нос в наши семейные дела. Он уже умер?

– Нет.

– Плохо. Ну что ж, приятно было пообщаться. Нам действительно надо почаще встречаться.

– Я никуда не уйду.

– Прости, Марион. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, но вот на федералов у меня точно сильная аллергия. Придется, наверное, повесить объявление: *Полицейским и агентам ФБР вход запрещен.*

– Ты настоящий ублюдок²⁷!

– Я молился, чтобы это было именно так, но я слишком похож на Полковника, чтобы это оказалось правдой. Очень жаль.

Широкая улыбка Джей Ти показала ей, что он не шутит. Всегда был упрямым ослом. Она, правда, тоже может заупрямиться. И у нее есть приказ – прямо от Полковника.

– Ну, хорошо. Тогда я оставляю свою должность за порогом.

– А как же твои сопровождающие? – Джей Ти кивнул на копов.

– Если ты гарантируешь, что в доме нет посторонних, я отошлю их.

– Посторонние в доме есть, но мне кажется, что эти ребята в синем должны обратиться в любом случае. – Он улыбнулся и захлопнул дверь у нее перед носом.

---

²⁷ В данном случае обыгрывается основное значение слова «ублюдок» – незаконнорожденный сын.

Марион осталась стоять под палящими лучами солнца и под пристальными взглядами трех полицейских, ожидавших ее распоряжений. Ей хотелось визжать и ругаться, но больше всего ей хотелось забыть, что у нее когда-то был муж.

– Возвращайтесь на базу, – приказала Марион. – Ситуация под контролем.

После этого она постучала в дверь дома своего брата и приготовилась ко второму раунду.

Тесс сидела на полу своей комнаты, прижав ухо к двери. Дверь была заперта, но по опыту она знала, что такие замки – плохая защита. Пистолета у нее все еще не было, и она не была уверена, что знает, что с ним делать. Самым важным было то, чтобы никто не знал, что она здесь, но хватит ли ей отчаяния убить агента ФБР, чтобы сохранить свое инкогнито?

Когда она стала обдумывать, что женщину, вероятнее всего, будет достаточно просто ранить, Тесс поняла, что отчаяния ей не занимать.

Она внимательно выслушала все, что говорилось перед входной дверью. Теперь Тесс слышала эхо женского голоса, доносившегося из холла рядом с гостиной.

– Итак, Джей Ти, где она?

– Она на секунду вышла. Мне показалось, что она не очень любит полицию.

– Вот как... И это не навело тебя ни на какую мысль, *братец мой дорогой*?

– Только на ту, что она какое-то время жила в Лос-Анджелесе.

– Кончай, Джей Ти. Если бы Лиззи Борден²⁸ была еще жива, то она точно обратилась бы к тебе за помощью.

Тесс мысленно хотела возразить, но не смогла – слишком многие газеты называли ее Невестой Франкенштейна. Таблоиды даже опубликовали ее якобы биографию под заголовком

ВОТ КАК Я ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА КОПА-МЯСНИКА

В ночном ток-шоу тогда приняло участие несколько стрингеров²⁹.

Тесс не хотела думать о Джиме. Ей нужны были четкие ответы и ясное видение ситуации. Вот этого-то у нее как раз и не было. Даже по прошествии стольких лет образы в ее голове были туманными и размытыми. Пресса могла подавать ее историю в какой угодно упаковке. Но она, которая действительно прожила ее, не могла позволить себе такой роскоши.

Джим Бекетт был красив и силен. Он был уважаемым офицером полиции и одиноким человеком, ставшим сиротой в раннем детстве. Джим рассказал ей, что мать у него была болезненной особой. Она упала и потеряла сознание, когда ему было восемь лет, а папаша погиб в автомобильной катастрофе, когда мчался домой, чтобы ей помочь. Так как больше никаких родственников у него не было, мальчика поместили в приемную семью. Он привык к своим новым родителям, но беда не ходит одна. Когда ему было четырнадцать лет, его приемный отец погиб на охоте. Приемная мать напрягала все силы, чтобы вырастить его, но заболела раком груди тогда, когда он учился в колледже. Джим Бекетт был совсем одинок в этом мире, пока не увидел ее.

На четвертом свидании, сидя рядом с ней на качелях возле дома ее отца, он взял ее руки в свои и произнес серьезным голосом:

– Тереза, я знаю, как твой отец обращается с тобой и с твоей матерью. Понимаю, как ты его боишься. Но ты больше не одна – я люблю тебя, детка. Мы с тобой сильно похожи –

---

²⁸ Гражданка США, которая стала известна благодаря делу об убийстве отца и мачехи, в котором ее обвиняли. Несмотря на большое количество доказательств ее вины, она была оправдана.

²⁹ Независимые журналисты, описывающие, как правило, экстремальные события и происшествия.

у нас больше никого нет. Теперь мы с тобой будем вместе навсегда. И больше никто никогда не причинит тебе боль.

И она ему поверила. Она проплакала весь тот вечер, а он качал ее, прижав к своей груди, и она думала: *вот я и дождалась своего белого рыцаря.*

Через шесть месяцев Тесс стала официальной невестой Джима после самой большой помолвки, которую когда-либо видел Уильямстаун. Она уехала из дома своего отца и увидела, как Джим прикрепил их увеличенный портрет с помолвки прямо над камином в их новом доме. Это фото было первое, что видели входившие в новый дом Бекеттов: громадный глянцевоый портрет самой красивой светловолосой пары Уильямстауна – их даже прозвали Кеном и Барби.

Во время медового месяца Джим усадил ее рядом с собой и объяснил, что ей придется неукоснительно соблюдать несколько правил. Теперь она была женой. Женой офицера полиции. Правила были очень простыми. Всегда идти на два шага позади него. Всегда спрашивать его разрешения, прежде чем что-то купить. Носить только ту одежду, которую он одобрил. Всегда содержать дом в идеальной чистоте и не прожаривать до конца его бифштекс. Никогда не ставить под сомнение его действия и не интересоваться, где он находится и чем занимается.

Тереза кивнула в знак согласия. Она была слегка сбита с толку, но обещала постараться. Ей было всего восемнадцать, и она хотела стать совершенством.

Ей не удалось избежать ошибок.

На вторую ночь после того, как они вернулись после медового месяца, Джим сжег ее подвенечное платье за то, что она купила блок бумаги для записей, не спросив у него разрешения. Тесс умоляла его не делать этого, и он сжег ее фату, потому что она поставила под сомнение его действия. А этого она делать не должна.

Она пыталась это запомнить. Пыталась привыкнуть к этому. За первые несколько недель множество личных вещей Терезы исчезли в огне – ее костюм чирлидера, ее детское одеяло, ее дневник. Ее плюшевого медвежонка Джим сначала разрезал на мелкие кусочки, а потом сжег их один за другим – это за то, что к его приходу обед еще не стоял на столе. Джим сказал, что она дура, что теряет так много вещей, поэтому Тереза изо всех сил старалась угодить ему.

Она не хотела подводить единственного человека в мире, который говорил, что любит ее. И Джим никогда ее не бил. Иногда орал на нее. Он был строг, называл ее дурой, но никогда, ни разу не поднял на нее руку.

И за это Тесс была ему благодарна.

Она старалась научиться. А потом у нее кончились вещи, которые он мог сжечь. А потом она почувствовала, что беременна, и мир вокруг нее изменился. Джим не мог дождаться, когда станет отцом. Когда родилась Сэм, он появился в роддоме с совершенно неприлично дорогими жемчужными бусами. Он сказал ей, что она прекрасна, и Тереза поняла, что на этот раз угодила.

И тогда она решила, что теперь все будет хорошо.

Через два месяца Джим объявил, что им пора уже подумать о втором ребенке. Тереза как раз сидела за обеденным столом и кормила Саманту грудью – она чувствовала себя настолько измученной, что с трудом держала глаза открытыми. И совершила ошибку. Она забыла обо всех правилах и сказала, что не сможет воспитывать двух малышек и одновременно содержать дом в безукоризненной чистоте. Джим замолк. Он положил на стол вилку и впился в нее своими яркими голубыми глазами.

– Не сможешь, Тереза? И как же ты собираешься воспитывать Саманту? Что ты этим хочешь мне сказать? Ты что, собираешься бить моего ребенка? Я всегда знал, что это у тебя в крови.

Тесс расплакалась. Сказала, что ни за что на свете не сделает ничего подобного. Но она видела, что он ей не поверил. На той же неделе Тереза совершила первый акт открытого неповиновения – купила диафрагму³⁰ и спрятала ее в ванне под раковиной. Еще через неделю она достала ее и увидела, что в нее аккуратно воткнута иголка. Джим стоял у нее за спиной с каменным лицом. Больше так продолжаться не могло. Она не спала уже два с половиной месяца. Она была измучена морально и физически и боялась, что окажется несостоятельной матерью. Раздались ее всхлипывания. Наконец Джим сдвинулся с места. Она вся сжалась, но муж обнял ее и стал гладить по волосам. Это было первое проявление нежности с его стороны за многие месяцы, и она опять подумала, что все будет хорошо и что он ей поможет. А он опустил ее на пол в ванной, задрал ее юбку и взял ее, пока она лежала под ним, слишком измученная, шокированная и испуганная, чтобы пошевелиться.

После этого он сказал, что на этот раз ему нужен парень, которого он назовет в честь отца – Брайаном.

Джим отсутствовал все дольше и дольше, а возвращался домой все злее и злее. Что бы она ни делала, все было не так. Она была плохой женой и ужасной матерью. Она была дурой, которая вечно должна благодарить Бога за то, что Джим на ней женился. Красивый, приятный в общении и уважаемый в обществе человек вроде него мог рассчитывать на лучшую партию.

Однажды Джим усадил ее в гостиной и сообщил, что уезжает. На какое-то время. Может быть, вернется, а может быть, и нет. Он еще не решил. Но что бы ни произошло, ей запрещается спускаться в подвал.

– В подвал? А что мне там делать?

– Именно потому, что я тебе запретил, ты стала об этом думать. И будешь думать еще сильнее, когда я выйду за порог. Ты будешь думать: что там, в этом подвале? Что он там прячет? Почему мне нельзя туда спуститься? Я укоренил эту мысль в твоей голове, и теперь ты не успокоишься, пока не спустишься туда. Я тебя достаточно хорошо знаю, Тереза, и могу тебя контролировать.

– Нет, в подвал я не пойду. Ни за что.

Но как только он уехал, на глаза ей тут же попала дверь в подвал. Она взялась за ручку и повернула ее. Открыв дверь, уставилась в полумрак...

Тесс постаралась прекратить эти воспоминания. Прижав руки к вискам, она почувствовала во рту привкус желчи.

Иногда Тесс была способна на объективную оценку произошедшего: она могла посмотреть на все как бы со стороны и проанализировать все, как будто это происходило в жизни другого человека. Но иногда это было невозможно. Сейчас она решила сосредоточиться на правильном дыхании и на лучах теплого аризонского солнца, которые касались ее тела.

Внизу в холле продолжался бой между Марион и Джей Ти.

– Он умирает, Джей Ти, и это правда, а не какая-то неумная шутка, – голос Марион звучал раздраженно. – Наш отец умирает.

– *Наш* отец? Не думаю. Я отдал его тебе, когда тебе было четырнадцать лет. Помню, как сейчас: мы играли в покер и я постоянно выигрывал. Ты полезла в бутылку, а я сказал: хорошо. Чего ты хочешь больше всего на свете...

– Будь ты проклят, Джордан Терренс.

– ...а ты сказала: *папочку*. И я отдал его тебе со всеми потрохами. И сегодня я хочу сказать, что тебе тогда не повезло. Или ты это тоже забыла, Марион?

---

³⁰ Имеется в виду противозачаточное средство.

– Я ничего не забыла, Джей Ти. Просто мне приятнее вспоминать более счастливые дни... – Марион надолго замолчала, а потом спросила: – Это все из-за нее, правда?

Джей Ти тоже замолчал.

– У нее было имя, Марион. Она была человеком, – наконец ответил он.

– Она была лживой, беспринципной проституткой, которая появилась как раз в тот момент, когда папе было тяжело. Тогда он только что ушел в отставку и пользовался... пользовался определенным успехом у женщин.

– Мама была бы в восторге от такого анализа ситуации.

– У мамы тараканов в голове больше, чем летучих мышей в заброшенном готическом замке.

– Ну, наконец-то мы хоть в чем-то согласились друг с другом.

– Все дело в том, что папа совершил ошибку...

– Ошибку? Да он обрюхатил семнадцатилетнюю девчонку. Наш отец – педофил.

– Он заботился о ней.

– Это теперь так называется? – Голос Джей Ти опустился почти до шепота, и от ужаса волосы на затылке Тесс встали дыбом. Реакция Марион на этот раз была не такой быстрой, но очень резкой.

– Ну конечно. Папа – это корень всех зол. Думаю, что именно он стоял у покрытого травой холмика³¹.

– Не удивлюсь. Ты внимательно отсматривала записи тех лет?

– Пора бы уже вырасти, Джей Ти. Ты нужен отцу, бог его знает зачем. Он может тебе не нравиться, ты можешь не хотеть посмотреть ему в глаза, но, ради всего святого, это он дал тебе жизнь. Он дал тебе дом. Вырастил тебя и предоставил тебе все, чего бы ты ни пожелал – спортивную машину, академию Вест-Пойнт, участие в военных операциях, *прикрытие*, наконец.

– А тебе все еще нейдет, да, Марион? – тихо спросил Джей Ти. – Хотя Роджера трудно назвать просто утешительным призом.

– Роджер бросил меня, Джей Ти. Но все равно спасибо, что не забыл поинтересоваться.

– Что? – Было видно, что десантник удивлен и даже поражен. – Марион, прости. Клянусь тебе, мне действительно очень жаль...

– А я не за жалостью сюда приехала. Еще раз услышу такое – и твою разбитую физиономию придется склеивать суперклеем... Всё, молчи. Меня уже тошнит от этого разговора – и конца-краю ему не видно. Я остаюсь на неделю, Джей Ти. Даю тебе семь дней, чтобы ты увидел свет в конце тоннеля. Если нет, то я умываю руки.

– Ягодка...

– Прекрати меня так называть! И передай своей гостье, что если я увижу, что вы занимаетесь чем-то, что хоть отдаленно нарушает закон, – арестую обоих! Это понятно?!

– Тебе совсем не надо кричать, чтобы показать, как ты меня любишь.

– Отвали и займись лучше вязанием крючком.

Тесс услышала резкие звуки шпилек, цокающих по плиточному полу. Быстрые, яростные шаги приблизились, и Тесс затаила дыхание. Но шаги прошли дальше. Марион бросилась в последнюю по коридору спальню и захлопнула за собой дверь.

Тесс выдохнула. Тело ее мешком опустилось возле двери. Всё в порядке. Марион – агент ФБР, но в то же время она сестра Джей Ти и сюда приехала по делам, совсем с Тесс не связанными.

Она была в безопасности; никто не знает, что она здесь; и она в Аризоне!

---

³¹ Место, с которого, предположительно, в Джона Кеннеди стрелял второй убийца.

Женщина дошла до ручки. Хотя бы еще день ее измученное тело требовало отдыха. Она залезла в постель, укрылась с головой и провалилась в забытье.

Глава 6

В подвале было холодно. Тереза чувствовала сквозняк, но никак не могла понять, откуда дуло. Свет очень слабый – всего одна лампочка без абажура, которая только делала тени длиннее. Под ногами женщина чувствовала хорошо утрамбованную грязь. А что это там, в углу? Лопата, пила и молоток. Садовые ножницы и двое граблей. Разве Джим когда-нибудь пользовался этими вещами? Здесь же лежала бейсбольная бита. Длинная бейсбольная бита, выкрашенная золотистой краской. А она думала, что он хранит свои биты в шкафу в прихожей... Почему в подвале? Они ведь сюда почти совсем не заходят.

Тесс повернулась на запах свежей земли. В дальнем углу она увидела темную горку, идеально напоминающую свежую могилу.

Нет, нет, нет и еще раз нет.

Рука, неожиданно появившаяся у нее из-за спины, зажала ей рот.

Тереза закричала. Она кричала, а ладонь вбивала звуки обратно ей в горло. Женщина была крепко прижата к чьему-то телу, несмотря на все сопротивление и яростные движения. Боже, помоги мне...

– Я думал, что ты не спустишься сюда, Тереза. Я ведь запретил тебе, – толстые пальцы схватили ее за подбородок и обездвижили голову.

Все ее попытки освободиться оказались бесполезными. Она попала в ловушку. Теперь он сделает с ней что-то ужасное.

Тесс почувствовала движение его руки у себя за спиной. На глаза ей опустился черный шарф, который полностью закрыл свет и отключил ее от внешнего мира.

Ее мычание было полно ужаса.

Муж завязал ей рот скатанной наволочкой. Материя прижалась к ее языку и больно врезалась в уголки рта – все это напоминало лошадиную узду.

Теперь он отпустил ее, и Тереза упала на землю.

– Я же велел тебе не спускаться сюда, но ведь ты без этого не могла жить, а, Тереза? Придется тебя проучить. Никогда не задавай вопросов, если не хочешь знать ответы.

Джим поставил ее на ноги и потащил по грязному полу. Резкий запах становился все сильнее. Это был запах грязи и чего-то еще, чего-то очень терпкого. Лайм. Да, это был запах свежего лайма, который использовали, чтобы отбить запах разлагавшихся трупов. Тесс почувствовала позыв к рвоте.

– Вот именно. Ты стоишь на краю могилы. Один легкий толчок, и ты свалишься прямо в нее. В могилу. Хочешь знать, кто там уже лежит?

Джим наклонил ее над пустотой, и у Терезы в горле забился крик. Тогда он вновь прижал ее к себе и тихонько засмеялся ей на ухо.

– Еще не время. Сначала я покажу тебе все остальное.

Джим сжал ей руку и заставил вытянуть ее. Ее мольбы и стоны заглушались наволочкой. Он хочет заставить ее прикоснуться к чему-то. К чему-то, чего она касаться не хочет. Он засунул ее руку в банку, и она почувствовала, как ее пальцы прикоснулись к чему-то круглому, влажному и скользкому.

– Глазные яблоки, – прошептал муж. – Я храню глазные яблоки всех своих предыдущих жен.

Выдернув руку из банки, он погрузил ее во что-то еще. Волосы. Длинные и мягкие, отвратительно мокрые на концах.

– Я их оскальпировал, – прошепел Джим.

И опять он засунул ее пальцы во что-то податливое, перепутанное и жирное.

– Кишки, много, много кишок... А вот здесь, детка, моя главная драгоценность. Ее сердце. Горячее и пульсирующее.

Он силой заставил Терезу сжать пальцы. В свою очередь его толстые пальцы стали сжимать ее горло. Все сильнее, и сильнее, и сильнее. Она услышала, как от волнения участилось его дыхание.

– Ты даже не представляешь себе, что я за человек, Тереза. Даже не представляешь...

И в тот самый момент, когда перед глазами у Тесс появились черные мушки и она уже была готова провалиться навечно в ничто, он разжал руки, и воздух хлынул в ее изголодавшиеся по кислороду легкие.

Повязка упала с ее глаз. Она смотрела на кровь. На реки крови.

От ужаса Тесс не могла пошевелиться. Когда она, наконец, подняла глаза, то ясно увидела его зловеще ухмыляющееся лицо.

Джей Ти Диллон изучал ее черными щелочками своих глаз.

Когда Тесс резко проснулась, крик застыл у нее на губах, а сердце колотилось как сумасшедшее. Руками она сжимала горло, пытаясь восстановить дыхание. Пот тек по ее щекам, как слезы.

Подождав секунду, она выбралась из взбаламученной кровати и зажгла все лампы, которые смогла найти. Правда, их в комнате было очень мало. Ей надо было больше света, гораздо больше, чтобы разогнать тени, прячущиеся по углам. Женщина оказалась перед стенным шкафом, двери которого были надежно заблокированы прислоненным к ним стулом.

Открой эти чертовы двери. Убедись, что его там нет. Что ты победила, победила, победила.

Внезапно с яростным криком она откинула ногой стул и распахнула дверцы.

– Ну, где ты здесь, чертов ублюдок?

Перед ней висели пустые плечики. Тесс несколько раз вздохнула и постепенно перестала дрожать.

Ты в Аризоне. В безопасности. У тебя на руках нет крови.

То сердце было коровьим. Коровье сердце, лингвине³² в оливковом масле, шелковые нити и виноград без шкурки. Такие вещи можно найти в любом доме.

– Оглянись вокруг себя, Тереза, – велел ей тогда Джим, после того как зажег свет. – Посмотри, от чего ты пришла в ужас. Если ты готова поверить, что очищенные виноградины – это не что иное, как глазные яблоки, то неудивительно, что ты видишь настоящего монстра, когда смотришь на меня.

Женщина без сознания свалилась на землю.

– Я же говорил, что запрещаю спускаться в подвал, – сказал Джим, глядя ей прямо в глаза. – Но ты это сделала. Ты абсолютно уверена, что я занимаюсь чем-то не тем. Почему ты так плохо думаешь о своем муже, Тереза? Почему тебе нравится меня бояться?

Она не могла произнести ни слова в ответ.

– Знаешь, о чем я думаю? Мне кажется, что у тебя очень низкий уровень самооценки, Тереза. Мне кажется, что твой отец и то, как он с тобой обращался, превратили тебя в ничто. А вот теперь у тебя появился этот красивый, приятный, украшенный наградами офицер полиции, твой муж, который тебя любит, и ты просто не в состоянии в это поверить, а? Ты уверена, что со мною что-то не так. Мне кажется, что тебе лучше прекратить думать о моих проблемах и заняться своими собственными.

И он вышел из подвала.

---

³² Сорт особой, очень тонкой пасты.

Женщина осталась лежать, размышляя, почему же она не доверяет своему идеальному мужу.

Такова была сила убеждения, которой он обладал.

Но потом к ней пришли другие образы: руки Джима, сжимающие и отпускающие ее горло, руки, которые ласкают, гладят и душат. Вздымающаяся бейсбольная бита, выглядящая в лунном свете как волшебная палочка. Быстрое движение вниз. Треск ломающегося бедра...

Тесс бросилась к двери и успела добежать до ванной комнаты как раз в тот момент, когда ее вывернуло наизнанку.

– Это из-за того, что я сказал? – В дверях показался Джей Ти.

Глаза Анджелы были крепко зажмурены. Она продолжала стоять, наклонившись над унитазом. Ее руки дрожали, а ноги подгибались. Во рту у нее был привкус желчи. А привкус отчаяния легко перебивал его.

– Прошу, уходи, – прошептала она.

– Прошу прощения, но ни один вирджинский джентльмен не уйдет от женщины, которая плохо себя чувствует. Считай, что это у меня в крови.

Она услышала, как его босые ноги зашлепали по плиткам пола, и почувствовала легкий запах перекиси водорода, когда Диллон приблизился. Своим торсом он прижался к ней, и она непроизвольно напряглась. Раздалось его недовольное бурчание.

– Я просто хочу включить воду, – объяснил Джей Ти. – По вкусу она напоминает ржавую трубу, потому что получаем мы ее из Колорадо, но все-таки это лучше, чем рвота.

Он отошел в сторону, и Тесс со вздохом облегчения плеснула воду на лицо и шею, а затем набрала ее в рот. У нее действительно был привкус металла и ржавчины.

– Ну что, лучше? – спросил он через минуту.

Она закрыла кран и посмотрела на него. Джей Ти был обнажен, если не считать пары плавок, которые висели слишком низко на бедрах, так что была видна тонкая полоска незагоревшей кожи. С его плеч стекали капли воды, которые исчезали в густых волосах на его животе.

Подняв полупустую бутылку пива к губам, он допил ее, глядя Тесс прямо в глаза.

– Возьми.

– Что именно?

– Полотенце, *chiquita*. Выглядишь ты просто ужасно.

Тесс с запозданием увидела, что в руках у него полотенце для рук. Она с опаской взяла его. Джей Ти еще ничего ей не сделал, но она уже была смертельно напугана. Ее опыт говорил ей, что мужчины – особенно мужчины мускулистые – это прямая угроза женскому полу. Тереза не могла вспомнить отца без того, чтобы не увидеть как наяву его разъяренного лица цвета свеклы и руки, сжатой в кулак и занесенной для удара. Равно как и своего бывшего мужа – не вспомнив его пустых, холодных глаз, безразлично глядевших на нее, пока ее подвечное платье исчезало в пламени.

Но Джей Ти порекомендовали серьезные люди. Наемники не убивают своих клиентов. Это наверняка плохо скажется на их бизнесе. А как же тогда полицейские, которые убивают налогоплательщиков? Это ведь тоже плохо для бизнеса...

Но Тесс провела в доме десантника уже почти сорок восемь часов, и с ней еще ничего не случилось. Он накормил ее завтраком и прикрыл от полиции. Наверняка, если бы у него была склонность к жестокости, она бы это уже заметила.

Хотя, чтобы увидеть жестокость Джима, ей понадобилось два года.

Тесс подняла руку и потерла лоб. Она хотела принадлежать и доверять только себе самой. С того момента, как она посадила Джима в тюрьму, прошло уже два с половиной года, а она все еще не могла в это поверить. Женщина замерла где-то на полпути между бывшей Терезой Бекетт и будущей Тесс Уильямс.

– Тяжелая ночка для воспитанной молодой леди?

– А все эти лицевые и изнаночные петли, – отшутилась Тесс. – Мне снятся кошмары, что я ошиблась в счете.

– Правда? А мне все время снится, как я взрываю церкви... Давай выйдем – прохладный воздух пойдет тебе на пользу.

Джей Ти повернулся, и Тесс поняла, что он уверен, что она пойдет за ним. Она посмотрела на свои ноги, которые майка колледжа города Уильямстауна совсем не прикрывала. Ее мать никогда не одобряла женщин, которые демонстрировали слишком много голого тела. Так поступали только падшие женщины, и их дорога лежала прямо в ад, где каждую ночь дьяволы творили с ними страшные вещи и наказывали их за разврат.

Ее собственный образ в виде развратной особы вызвал у Тесс улыбку. Она никогда не была роковой женщиной, полной внутреннего огня. Напротив, всегда была послушной, запутавшейся женой. А сейчас – испуганной, измученной матерью. Все говорило о том, что для Джей Ти она была так же привлекательна, как оживший скелет. Это ей вполне подходило. От него ей нужны были только его специфические знания.

Пройдя вслед за десантником на веранду, Тесс поежилась на прохладном воздухе. Джей Ти, казалось, этого не заметил. Он плюхнулся в одно из кресел и взял тонкий золотой портсигар. Рядом, на стеклянном столике, стояла упаковка с шестью бутылками пива.

Тесс обняла себя за плечи, глядя на темно-синее небо, усеянное звездами. Ночи в Уильямстауне сейчас уже прохладные, с чистым небом, с сильным ароматом опадающих листьев и увядающих сосновых игл, который приносят порывы прохладного ветерка с Беркширских холмов. Она задумалась о том, что может в это время делать ее дочь. Скорее всего, спит в своей любимой розовой фланелевой пижаме, рядом со своей говорящей куклой. Если Тесс закрывала глаза, то физически ощущала ее запах – детского шампуня и присыпки.

Детка, я тебя люблю.

– Подслушивала, правда? – спросил Джей Ти.

– Правда.

Мужчина открыл портсигар, выудил из него сигарету и прикурил ее. Глубоко затянувшись, уставился на Тесс.

– Жуткая привычка. Хочешь?.. – Он протянул было ей портсигар, но потом убрал его. – Подожди минуту, я совсем забыл. Ты и так еле ходишь, куда тебе еще сигареты... – Выдохнул дым, откинулся в кресле и положил ногу на ногу.

– Не знала, что ты куришь.

– Я бросил.

– И ты выходил среди ночи, чтобы достать сигареты и начать снова?

– Не-а. Я украл их у Марион. В конце концов, это я научил ее курить, – его губы скривились. – Так, по крайней мере, мне кажется. Но надо спросить ее, что помнит она.

– Кажется, вы с сестрицей не в восторге друг от друга.

– Не люблю людей, которые пытаются изменить прошлое.

– Она что, действительно агент ФБР? – спросила Тесс равнодушным голосом.

– Да, – он затаился. – И очень хороший.

– Слышала, что она собирается остаться на неделю.

– Правильно слышала. Так что если ты преступница, то не говори ей. Точно повяжет.

– И ты позволишь?

– Если ты преступница.

– Очень хорошо, – согласилась женщина. – Ты все прекрасно объяснил. Если я останусь, то должна быть законопослушной. А если утром я исчезну – что ж, я избавлю тебя от массы проблем.

– Вот видишь, детка. И пусть моя красота не вводит тебя в заблуждение – я совсем не дурачок.

Тесс кивнула и вновь посмотрела на ночное небо. Ей было холодно и хотелось вернуться в дом и улечься в постель. Но кошмары, которые непременно придут во сне, вселяли в нее ужас.

– Один месяц тренировок, – неожиданно произнес Джей Ти. – Я согласен.

– Я это знаю.

– Не будь такой самоуверенной. Мы начинаем завтра в 06.00. Физподготовка, самозащита, работа с оружием и все остальное. Я разберу тебя на кусочки и сложу из них совершенно новую женщину.

– Хорошо.

– Знаешь, почему я изменил свое решение?

– Неважно.

– Нет, важно, Анджела. По крайней мере, для меня, – рукой он обвел виллу, сад и бассейн. – Все это в действительности мне не принадлежит. Каждый квадратный дюйм, каждый камешек, каждый кактус принадлежат здесь моему отцу. Можно сказать, что он все еще выплачивает мне пособие. И я могу жить здесь, как мне захочется, хоть всю жизнь, при выполнении двух условий: первое тебя совершенно не касается, а вот согласно второму я не должен возвращаться в «бизнес». Если я соглашусь тебя обучить, то потеряю все это. Как ты думаешь, стоит ли мне братья за тебя, Анджела?

– Нет, – честно призналась она.

– Вот мы и договорились. Считай, что я делаю это для себя самого. Потому что хочу. Потому что испытываю сильнейшую зависть по отношению к тебе.

Диллон схватил бутылку, выбрался из кресла и подошел к Тесс.

Она чувствовала его напряжение. Джей Ти был не тем человеком, который играет по правилам – вполне возможно, что он *действительно* взрывал церкви. У него бывали приступы злобы и плохого настроения, которые она не могла понять. Он был непредсказуем и иногда казался совсем неотесанным. Когда он двигался, то делал это совершенно бесшумно. После мраморно-гладкого Джима Джей Ти казался невероятно живым, настоящим. Если у него с тобой возникнет проблема, он не станет травить твою собаку или жечь гараж. Он скажет об этом тебе в лицо. Если он узнает, что отец бьет дочь, не станет подпиливать лестницу в чулане, чтобы папаша переломал ноги. Он прямо подойдет к нему и заедет по физиономии.

Ти Джей остановился так близко от нее, что она почувствовала тепло сигареты.

– Он тебе снится, Анджела?

– Иногда.

– А когда ты последний раз спокойно проспала ночь?

– Я... Не помню.

– А приготовила себе вкусную еду?

– Очень давно.

– Ну так вот, заканчивай со всем этим, – Джей Ти провел пальцем по ее предплечью. Она вздрогнула, но он покачал головой. – Тебе нечего здесь бояться, Анджела. Просто расслабься. Ты сейчас кожа да кости с черными кругами вокруг глаз. Порыв хорошего ветра унесет тебя.

– Все это сложно, – ответила Тесс. – Последнее время мы... мы все время убегаем. Да и другие проблемы...

– Сложно, согласен. Но тебе придется научиться мыслить отдельно. Ты испугана, но все равно надо спать. Ты взволнована – значит, ешь фрукты и овощи. Нарости мясо на своих костях, а тогда уже будем говорить о мускулах. И прекрати грызть ногти. Если ты так нелюбишь свое тело, то как можно ожидать, что его полюбит кто-то другой?

- Странно слышать от тебя подобные советы.
- А я только даю советы – сам им никогда не следую.

Его пальцы все еще лежали на ее предплечье. Их кончики были твердыми и прохладными. Он небрежно пробарабанил какой-то мотивчик, от которого по ней прошла дрожь. Тесс отступила.

- Тебе что, не понравилось?
- Я... нет, не понравилось.
- Вруша, – довольно кашлянул он.
- Я ищу учителя, а не еще одну проблему на свою голову.

– Так вот как ты видишь мужчин, – Джей Ти поднял бутылку ко рту и сделал длинный глоток. – Начнем с бассейна, – сказал он. – Постарайся набрать форму, не заработав никаких травм.

- Я не очень хорошо плаваю.
  - А мне казалось, ты говорила, что никогда не хнычешь.
- Тесс вызывающе вздернула подбородок, и мужчина рассмеялся.
- Точно. В тебе есть внутренний стержень.
  - Вот именно, – пробормотала она. – Лихости мне не занимать.

Диллон опять покашлял, а затем посмотрел на нее вопросительным взглядом, как бы лаская ее щеку. Поднял сигарету и затянулся. Кончик сигареты стал ярко-красным. Прошло несколько секунд, прежде чем он выпустил дым из легких.

Тесс поняла, что внимательно следит за дымом, который выходит из его округлившихся губ. За его длинными, шелковистыми волосами, закрывающими затылок. Фонарь у входной двери хорошо освещал его. Ей вдруг захотелось дотронуться до его кожи и проверить, такая ли она теплая, как кажется.

- Тесс немедленно опустила глаза, пораженная своей собственной реакцией.
- Страшно? – Голос его звучал хрипло.
  - Нет, – не задумываясь ответила она.
  - Да ты вся дрожишь. А ведь я ничего не сделал. Пока.
  - Мне не страшно!

Но ей было страшно, и они оба это знали. Ей было неудобно, все мысли перепутались. Доверять ему или нет? Бежать или остаться? Подойти ближе или отступить на шаг? Она не могла колебаться все время.

Наконец Тесс решила. Прежде чем мужество окончательно покинуло ее, она выхватила у него бутылку с пивом и, подойдя к кактусам, вылила его на землю.

- Хватит. Я тебя наняла, а алкоголики мне не нужны.
- Пьяный десантник точнее стреляет, – сказал Диллон отрывисто, и было видно, что он разозлился.

- А ты *не* десантник, Джей Ти.
- А вот здесь ты ошибаешься, Анджела. Сильно ошибаешься, – он сделал шаг в ее сторону.

- Тесс не пошевелилась.
- Уже злишься? – произнесла она заносчиво. – Не можешь без своего пива?
  - Не без пива, а без секса...

Диллон выбросил вперед руку. Она и представить себе не могла, что он может двигаться с такой скоростью. Джей Ти схватил ее за волосы и стал кончиками пальцев массировать ей скальп.

– А ты даже не пошевелилась... Хочешь меня поцеловать? Если ты сделаешь такую опасную вещь, тебе полегчает?

Он наклонился к ней, и на таком расстоянии Тесс смогла рассмотреть диковатый блеск в его глазах и отдельные волоски его суточной щетины.

Щетина на щеках. Настоящая щетина, такого же цвета, как и волосы у него на груди. Он даже не представлял, что это для нее значит. Не представлял, что значит для нее встретиться с мужчиной, который был чем угодно, но только не ледышкой.

– Ну же, Анджела. Поцелуй меня. И я покажу тебе, что еще я умею делать очень, очень хорошо.

Он наклонился еще ближе, но все еще не касался ее губ. И оба они знали, что он этого не сделает. Теперь был ее ход.

Тесс подняла руку и осторожно, с опаской дотронулась до его колючей щетины. Та оказалась мягче, чем она предполагала. Кончики ее пальцев зачесались. Джей Ти шумно втянул воздух. Она тоже не дышала. Пальцами она провела по линии его подбородка, а затем ее рука зарылась в его волосах.

– Ради бога, ты что, не знаешь, как целуют мужчину? – Джей Ти притянул ее ближе.

И в этот момент она ударила его в плечо.

Он крикнул, больше от неожиданности, чем от боли, и отступил на шаг.

– Ведь ты этого ждал от меня? – твердо сказала Тесс. – Ведь я должна была оказать тебе сопротивление? Как видишь, у меня получилось. И пока не забыла... – Она выхватила сигарету у него изо рта. – Ненавижу курящих мужчин.

– Слишком поздно. Бежать надо было сразу, Анджела. Пока у тебя оставался шанс.

Джей Ти легко схватил ее и крепко прижал к себе. Секунду назад она стояла около кактусов, а теперь прижималась к горячему мужскому телу, ее ноги обхватывали его сильные бедра, а тело повисло на мускулистых руках. Она открыла рот, чтобы запротестовать, но он просто воспользовался этим и прижался к ее губам.

Джей Ти ничего не просчитывал и не строил из себя скромника. Его язык, умелый и все понимающий, проник ей глубоко в рот, и она почувствовала вкус табака. Язык ласкал ее, заполнял ее рот и вызывал на борьбу. Тесс изгибалась в руках десантника. Его поцелуй становился все настойчивее и требовательнее. Он не причинял боли, но продолжался до тех пор, пока у нее что-то не распустилось в животе.

Она уже хотела слегка поддаться. Хотела сжать пальцами его плечи и крепко к нему прижаться...

И с приглушенным криком забарабанила кулачками по его груди. Джей Ти отпустил ее.

– Ублюдох!

– Так точно. Но я тебя предупреждал.

Тыльной стороной руки Тесс вытерла рот. Она чувствовала себя совершенно незащищенной и очень хотела поколотить его.

Диллон не шевелился. Просто стоял неподвижно, ожидая ее следующего движения. Победить его она не могла. Он был сильнее – мужчины всегда сильнее, – и она еще не умела драться. В глазах у нее защипало. Черт возьми, сейчас она расплатится...

– Не смей, – сказал Джей Ти.

– Отстань.

– Послушай, Анджела, ведь ты так здорово держалась. Не разочаровывай меня в самый последний момент.

– Ты наглый сукин...

– Вот так-то лучше. Ты выживешь только за счет внутреннего настроя, Анджела. Не теряй его. А теперь – спать.

– А ты? – огрызнулась она. – Ты сам что, собираешься провести здесь остаток ночи, несмотря на свои собственные советы?

– Возможно.

Тесс наклонила голову набок и смерила его взглядом.

– Понятно, – небрежно произнесла она. – Твоя сестрица здесь всего двенадцать часов, а ты уже рассыпаешься на ходу.

– Заткнись, Анджела.

– С какой стати? Мне ты мозги вправлять можешь, а я тебе не могу? Я не такая уж сильная и, наверное, плохо стреляю, но я знаю, сколько получится, если к двум прибавить два. У тебя с сестрой разные мнения по поводу вашего отца. И в то же время тебе хочется поддерживать с ней отношения. А она готова тебя разорвать. Я права?

– В постель, – велел Джей Ти еще раз.

– Только не тогда, когда я разговаривалась. Так что же сделал твой отец?

– Спроси лучше, чего он не сделал. Спокойной ночи.

– Он тебя бил? Я об этом хорошо знаю.

– А твой отец бил тебя?

– Все время, – равнодушно призналась Тесс. – Я его за это до сих пор ненавижу.

– Понятно. Знаешь, мне кажется, что такая ненависть приносит пользу. Сам я глубоко в это верю. А Марион не согласна. Она говорит, что наш отец просто был чересчур строг.

– Ты не согласен?

– Полковник считал, что полировка задницы ребенка – это просто спорт. – Джей Ти фыркнул, подошел к столу и достал сигарету. Когда он ее прикуривал, пальцы его слегка дрожали. – Иди, Анджела. У тебя наверняка есть о чем подумать, кроме как о моей непутевой семье.

Она не пошевелилась. Теперь между ними установилась какая-то связь, а для нее это было очень важно.

– А женщина?

– Женщина?

– Проститутка, которая родила твоему отцу ребенка.

– А ты многое успела услышать, черт тебя побери.

– Да, – согласилась она без зазрения совести.

Он продолжал молча курить, и Тесс уже решила, что ответа не дожидается. Но когда сигарета догорела до самых кончиков пальцев, он вдруг сказал:

– Мой отец взял себе в любовницы семнадцатилетнюю проститутку. Ему такие вещи всегда нравились. Та забеременела. Тогда Полковник вышвырнул ее на улицу. Она стояла на пороге и умоляла вернуть ей вещи. Тогда он велел дворецкому спустить собак. Проститутка ушла.

– И все?

– Конечно, нет. Девочка попыталась встретиться с Марион. Деньги ей нужны были не для себя, а для малыша.

– И Марион...

– Велела ей убираться. У сестры всегда была избирательная память. Папочка – это ее кумир. Все, что он ни сделает, – правильно, а иначе Вселенная не может существовать. Если папочка говорит, что девчонка – лживая шлюха, которую он никогда в глаза не видел, значит, девчонка – лживая шлюха, которую он никогда в глаза не видел.

– И тогда она пришла к тебе?

Джей Ти поднял одну бровь.

– Ты что, еще ничего не поняла?

Тесс покачала головой.

– Девочку звали Рейчел. А ее сына, моего сводного брата, – Тедди.

– Боже, – выдохнула она, когда все части головоломки встали, наконец, на свои места.

– Вот именно, – негромко подтвердил Джей Ти. – Я женился на ней. И это было лучшее, что случилось со мной в жизни.

Он уронил сигарету на пол и раздавил ее каблуком. Затем шутливо отсалютовал Тесс, а она все еще не могла найти приличествующий ситуации ответ.

– Поспи. В шесть утра возле бассейна. И держись подальше от Марион, Энджи. Ты ей не понравилась, и она легко может съесть тебя, а потом поковырять в зубах твоими косточками. Мы все ею очень гордимся.

Джей Ти оставил ее на патио в одиночестве. Тесс слушала негромкий шепот волн в бассейне и отдаленный вой койота, который выл на Луну и никак не мог получить от нее ответа.

Глава 7

«Это запись первого интервью Джима Бекетта, проведенного специальным агентом Пирсом Куинси в присутствии лейтенанта Лэнса Диффорда в исправительной тюрьме штата Массачусетс в Сидар Джанкшн, Уолпоул. Дата – 11 ноября 1995 г. Джим Бекетт находится здесь около трех месяцев. С его согласия это интервью записывается и снимается. У вас есть вопросы?»

БЕКЕТТ: Куинси? Как судмедэксперт по телеку?

КУИНСИ: Патологоанатом.

БЕКЕТТ: Вы тоже смотрели это шоу ребенком? Это было ваше любимое...

КУИНСИ: Я смотрел его пару раз.

БЕКЕТТ: А кем был ваш отец?

КУИНСИ: Водопроводчиком.

БЕКЕТТ: Далеко не так увлекательно, как судмедэксперт. Понятно.

ДИФФОРД: Хватит нести эту чушь, Бекетт. Мы здесь не для того, чтобы смотреть, как ты копаешься в мозгах агента ФБР. Куинси о тебе только читал, но я-то тебя хорошо знаю. Не советуя забывать об этом.

БЕКЕТТ: Лейтенант Диффорд. И как всегда – сама любезность. Когда я был полицейским, то самое большое удовольствие получал, отчитываясь перед такими тупицами, как ты. Большой и сердитый лейтенант полиции, чей опыт и знание улицы обеспечат всем нам покой сегодня ночью – и он никак не догадывается, что в действительности речь идет об одном из вас, полицейских, который по ночам снимает сладких блондинок и крошит их ножичком на кусочки... Как твоя бессонница, лейтенант?

ДИФФОРД: Пошел к черту, ты...

КУИНСИ: Достаточно. Давайте перейдем к делу. Лейтенант Диффорд прав, Джим, я никогда вас не встречал, но знаю о вас все. Я также внимательно просмотрел все материалы, которые вы заказывали в библиотеке, и понимаю, что вы знакомы с техникой профайлинга³³ серийных убийц. Как мы говорили ранее, это интервью – дело сугубо добровольное. Взамен вы ничего не получаете, кроме, может быть, какого-то разнообразия посреди рутинной и очень монотонной жизни Уолпоула. Хотите сигарету или чего-нибудь еще?

БЕКЕТТ: Я не курю. Мое тело – мой храм.

ДИФФОРД: О боже...

БЕКЕТТ: Хотелось бы посмотреть на мой психологический портрет.

КУИНСИ: Мы здесь сделок не заключаем, Джим.

БЕКЕТТ: Боитесь, что, увидев все недостатки, я его раскритикую? Или что смогу использовать его себе на пользу?

КУИНСИ: У вас коэффициент умственного развития 145 пунктов. Я это хорошо помню, Джим.

БЕКЕТТ (*смеется*): А вы не так уж плохи, специальный агент Куинси. Может быть, вы даже сможете мне понравиться.

ДИФФОРД: Черт, вы что, так и будете признаваться друг другу в любви, или займемся, наконец, делом?

БЕКЕТТ: Минуточку. Я все понял. Вы играете в хорошего и плохого следователя. Мягкий, утонченный агент ФБР и туповатый, безграмотный уличный постовой. Я уже говорил,

---

³³ Составление психологического портрета. Профайлер – эксперт-специалист по составлению психологических портретов преступников.

что ни у ФБР, ни у местных копов не появлялось никаких новых светлых мыслей с одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года?

ДИФФОРД: А может быть, Бекетт, мы просто такие, какие есть?

КУИНСИ: Джим, давайте начнем с того, что вы опишете себя своими словами. Таким, каким вы себя видите. Если бы вы составляли свой психологический портрет, то что бы вы о себе сказали?

БЕКЕТТ: Не пойдет, Куинси. Профессионал у нас здесь вы. Поэтому и начинать вам. А я буду говорить только *теплее* или *холоднее*.

Пауза.

КУИНСИ: Ну хорошо. ФБР занялось этим делом после обнаружения третьего трупа в пригородах Клинтона, штат Массачусетс. Позже выяснилось, что это была уже шестая жертва, но в то время у нас было еще всего два места преступления для сравнения. Жертвой оказалась двадцатитрехлетняя мать, которая работала официанткой и возвращалась с работы. Ее машину нашли на обочине пустынной дороги с поднятыми стеклами и захлопнутыми дверями. В салоне был открыт перчаточный ящик, ключи были в зажигании, а сумочка жертвы лежала на пассажирском сиденье. Ее одежда, испачканная мусором из близлежащего леса, была аккуратно сложена и положена в багажник автомобиля. Никаких следов борьбы в машине обнаружено не было.

В канаве, на расстоянии четверти мили от машины, было обнаружено тело жертвы. Она была раздета догола и лежала на спине с широко раскинутыми в стороны руками и ногами. В половые органы была воткнута ветка дерева. Было очевидно, что тело было расположено таким образом для того, чтобы максимально шокировать обнаруживших его. Жертву пытали с садистской жестокостью, а затем надругались над ней извращенным способом. Непосредственную причину смерти определить было не очень трудно. Колготки жертвы были обернуты вокруг ее шеи и оставили заметную странгуляционную линию. Кроме того, по голове жертвы было нанесено несколько сильных ударов тупым предметом – позже удалось определить, что это была та самая ветка дерева, которая была воткнута в ее половые органы.

Раны на груди жертвы, ее ягодицах и внутренней стороне бедер говорили о том, что НЛ (неизвестное лицо) потратило много времени на пытки, прежде чем убило ее. Количество повреждений, нанесенных после смерти жертвы, а также положение самого тела позволили предположить, что НЛ провело со своей жертвой не меньше часа уже после ее смерти. Кроме того, НЛ потратило какое-то время на то, чтобы зачистить место преступления. Там не осталось ни отпечатков пальцев, ни волос, ни семенной жидкости, ни клочков одежды. По ранам на руках жертвы можно было предположить, что она пыталась оказать сопротивление, которое было быстро подавлено. Под ногтями жертвы не удалось обнаружить ни частиц кожи, ни образцов крови насильника.

Мы решили, что НЛ смогло воспользоваться какой-то очевидной причиной для того, чтобы выманить жертву из машины. После этого, получив контроль над жертвой, оно пыталось и насильничало ее, прежде чем убить с особой жестокостью. После этого НЛ расположило тело соответствующим образом, добавило несколько ран уже после смерти жертвы, вернулось к ее машине, уложило вещи в багажник и закрыло автомобиль.

У этого преступления было несколько очевидных особенностей. Первая – НЛ выманило жертву из машины под благовидным предлогом, вместо того чтобы провести атаку вроде блицкрига. Это говорит о том, что наше НЛ – спокойная личность, вызывающая доверие и обладающая определенными коммуникационными навыками. Время, проведенное с жертвой, указывало на то, что НЛ было уверено, что ему удастся совершить преступление и исчезнуть незамеченным. Лабораторные тесты выявили наличие латекса и спермицидной смазки во влагалище жертвы, что указывает на то, что, скорее всего, при изнасиловании преступник воспользовался презервативом, который потом забрал с места преступления. Ско-

рее всего, НЛ уже вышло на уровень путешествий с готовым «преступным чемоданчиком», в котором лежали такие предметы, как презервативы, перчатки, возможно, грим для изменения внешности – то есть все, что могло помочь ему в совершении преступления. И, наконец, уровень жестокости и садизма вместе с жестокостью нанесения ран уже труп жертвы указывали на мужчину с зашкаливающим уровнем ненависти по отношению к женщинам.

Стало ясно, что мы имеем дело с психопатом.

БЕКЕТТ: Прошу вас, продолжайте. Мне становится интересно.

КУИНСИ: НЛ было, скорее всего, белым мужчиной в возрасте от двадцати до сорока лет. Определить возраст более точно представлялось трудным, но, принимая во внимание хорошо подготовленную природу преступления и жестокость нанесенных ран, мы предположили, что одержимость убийством росла в преступнике уже длительное время. Убийца находился на уровне отладки и совершенствования своей техники совершения преступлений. То, что он использовал какую-то маскировку, говорило о его умении предвидеть и планировать, что было свидетельством более опытного мужчины. Поэтому мы решили, что ему где-то около тридцати пяти лет. Мы предсказали, что он окажется очень приятным и харизматичным человеком, с коэффициентом умственного развития выше среднего, социально адаптированным, хорошим работником, женатым или имеющим длительную и серьезную связь. Он должен был быть физически развитым, уметь работать руками и, возможно, заниматься работой для настоящих мачо. Машина у него – темный седан среднего класса, возможно, списанный полицейский круизер. Он служил в армии, но его эгоцентризм и заносчивость не позволили ему достичь больших успехов – его увольнение было почти позорным. В прошлом у него могли быть приводы за нарушение общественного порядка и/или за незначительные нарушения сексуального характера. Возможно, его арестовывали за управление автотранспортом в состоянии интоксикации. Кроме того, то, как жертву связывали, напоминало тюремные изнасилования, поэтому было не исключено, что преступник сидел в тюрьме.

Он, скорее всего, считал себя искушенным и утонченным убийцей. Все три женщины были красивыми, молодыми блондинками. Кроме того, все три представляли для убийцы определенную опасность – они не были какими-то проститутками или стриптизершами, а были матерями, дочерьми, студентками университета, имевшими родственников и семьи, которые должны были немедленно обратиться в полицию и настаивать на проведении расследования. Убийца, наверное, тратил уйму времени, разъезжая по окрестностям и пытаясь найти нужную ему жертву в нужное время и в нужных обстоятельствах...

БЕКЕТТ: Он дисциплинирован?

КУИНСИ: Да, как должен быть дисциплинирован любой маньяк-убийца.

БЕКЕТТ: Без дисциплины, Куинси, здесь никак не обойтись, вы уж мне поверьте. Когда тебя распирает желание убить, нужны сильная воля и дисциплина, чтобы дождаться правильной жертвы. Вам этого не понять. Боюсь, что у вас в жизни никогда не было сильных, всепоглощающих желаний. А что насчет трофеев?

КУИНСИ: Обычно серийные убийцы берут что-то с места преступления. Но когда осматриваешь место, то обычно невозможно понять, что было взято. Возможно, НЛ взяло колечко жертвы, чтобы подарить жене, а потом испытывать легкий трепет каждый раз, когда будет смотреть на ее руку. Может быть, это был локон волос. Но что-то обычно берется, чтобы потом было легче пережить преступление еще раз.

БЕКЕТТ: А вот здесь вы не правы. Я никогда ничего не брал. Какой смысл иметь у себя что-то, что может привязать тебя к убийству? К примеру, Банди и Кемпер³⁴ думали, что

---

³⁴ Теодор Роберт Банди (Нейлоновый убийца) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил. Незадолго до казни признался в убийстве 30 человек, хотя общее количество жертв может превышать 100 человек.

очень хитры, но они были просто животными, дикими зверями, рабами своего неутолимого голода. А я не раб, Куинси. Я свои чувства контролирую. И ограничиваюсь только рамками своей системы.

КУИНСИ: Системы?

БЕКЕТТ: Вы так ее никогда и не поняли, правда?

КУИНСИ: Системы больше подходят для Голливуда. Лунные циклы, нумерология, астрология – все это мало похоже на реальную жизнь.

БЕКЕТТ: Согласен полностью.

КУИНСИ: Тогда что вы имеете в виду, когда говорите о системе?

БЕКЕТТ: Вы ведь, кажется, специалист, агент. Вот и выясните.

Пауза.

КУИНСИ: А как насчет посещения могил своих жертв?

БЕКЕТТ: Никогда.

КУИНСИ: Никогда не были на кладбище? На отпевании или на заупокойной службе?

БЕКЕТТ: Ключевое слово – дисциплина.

КУИНСИ: А возврат на место преступления? Вы же могли появиться там в качестве офицера полиции.

БЕКЕТТ: Я коп из Беркшира. Что мне делать на месте преступления в Клинтоне, штат Массачусетс? Еще раз: основное – это дисциплина. Я не шучу с вами, агент.

ДИФФОРД: Полное дерьмо. Ты же тащишься от того, что считаешь себя всемогущим, Бекетт. Если уж ты такой умный, дисциплинированный и так хорошо можешь *управлять* своими эмоциями, то как ты вообще здесь оказался, а?

БЕКЕТТ: А ты никогда не думал сесть на диету, Диффорд? Ты на себя в зеркале посмотри. Слишком много пончиков в последнее время.

ДИФФОРД: Ты вернулся к Терезе, Бекетт, как она и предсказывала. Умный человек уехал бы из города, но только не ты. Ты не мог все это так оставить, только не после того, что она с тобой сделала. Тогда ты о дисциплине забыл, чертова задница?

БЕКЕТТ: А ты сам где был в то время, Диффорд? В тот момент, когда я сжал руки на ее очаровательной шейке и стал по капле выдавливать из нее жизнь, где тогда была ее полицейская защита? Ответь, если можешь, ты, жирная ленивая задница.

КУИНСИ: Джентльмены...

БЕКЕТТ: Агент прав. Этот обмен любезностями науке не поможет. Но должен сказать, Куинси, что большого впечатления ваш рассказ на меня не произвел. Это было все равно что пересказать учебник. Давайте же, мистер *Специальный Агент*, поразите меня.

Пауза.

КУИНСИ: Первое убийство вы не планировали.

БЕКЕТТ: Естественно. А где вы видели убийцу, который спланировал свое *первое* убийство? У вас есть страстное желание – и вот в какой-то момент вы видите, что появилась возможность. И вы или хватаетесь за нее, или нет. В этом вся разница между юношей и настоящим мужчиной. Между мной и вами.

КУИНСИ: Вы остановили ее за превышение скорости и просто хотели выписать ей вполне законный штраф. В тот момент вы были на дежурстве. Поправьте меня, если что-то не так, Джим. Потом вы рассмотрели ее внимательнее. Красивая блондинка, которая сидит в своей машине, так доверчиво протягивает вам права и документы на машину. До этого какое-то время вы находились в состоянии стресса. Много пили...

БЕКЕТТ: Я вообще не пью.

Эдмунд Кемпер 3-й (р. 1948) – серийный убийца, убивший шесть девушек, собственную мать, а также ее подругу. В подростковом возрасте убил своих дедушку и бабушку. Приговорен к трем срокам пожизненного заключения.

КУИНСИ: Но стресс у вас был. И даже больше, чем обычно. И вы вдруг поняли, что вы одни, дорога кругом пустынна, а эта красавица смотрит на вас и виновато улыбается.

БЕКЕТТ: Она меня хотела.

КУИНСИ: Вы были очень неосмотрительны, Джим. Это сейчас вы рассуждаете про контроль и все такое, а тогда вы тупо поддались инстинкту и только потом вдруг поняли, что убили и изнасиловали женщину, да еще и припарковав свою патрульную машину прямо за машиной жертвы.

БЕКЕТТ: Но я не запаниковал.

КУИНСИ: Форма была разорвана, правда? Семенная жидкость была в жертве, а значит, ДНК-тест вы бы не прошли. Люди могли видеть, как вы ее остановили. Что же делать?

БЕКЕТТ: Естественно, я выписал ей штраф.

КУИНСИ: И это было правильно. Потом вы сели в свою машину, отчитались перед дежурной частью и сообщили, что продолжаете патрулирование. Но дальше вы не поехали. Вместо этого спрятали свою полицейскую машину и вернулись на место преступления. Одели жертву, накрыли ее одеялом из своего багажника и представили все так, как будто она спит. Вам бы надо было спрятать тело, но далеко уехать вы не могли, иначе кто бы привез вас назад? Поэтому вы доехали на ее машине до ближайшего озера и утопили ее там. Вы знали, что вода выполнит за вас всю грязную работу. Даже если она проведет в воде четыре-пять дней, то с утопленника много улик не получишь.

БЕКЕТТ: Не говоря уже о годе в воде.

КУИНСИ: Вам здорово повезло, правда? Женщина зарегистрирована как пропавшая без вести. Вас опрашивают как человека, который выписал штраф. Вы все сделали правильно и совершенно хладнокровно. Все бумаги заполнены идеально...

БЕКЕТТ: Я же уже говорил, что смешнее всего было отчитываться перед этими тупоголовыми лейтенантами, которые ничего не подозревали.

ДИФФОРД: Сукин ты сын, мы же тебя, в конце концов, взяли!

БЕКЕТТ: Ага, после десяти трупов... это только те, о которых вы знаете. Но, Куинси, это все равно не впечатляет. Первое убийство было незапланировано, а тело – утоплено в озере, чтобы скрыть следы. Все логично. Расскажите мне что-нибудь действительно страшное. Что-то, от чего у меня мурашки побегут по телу.

КУИНСИ: В ту ночь, когда вы убили вашу первую жертву, Люси Эдвардс, ваша жена была в больнице. Она родила вашу дочь. Вот откуда тот стресс, с которым вы не смогли справиться, Джим. Стресс, связанный с рождением вашей дочери.

Пауза.

БЕКЕТТ: Все это слишком просто. На штрафе есть дата, поэтому вы и посчитали, что она исчезла именно в этот день.

КУИНСИ: Но это совсем не значит, что она была убита в этот день. Вы же знаете, что невозможно определить точную дату смерти по трупу, который пролежал в воде целый год.

БЕКЕТТ: И опять простая логика.

КУИНСИ: На этот раз скорее статистика, Джим. В жизни каждого убийцы есть событие-триггер. У неорганизованного убийцы это обычно потеря работы или крупная ссора с матерью. Для организованного убийцы, такого, как вы, рождение собственного ребенка стоит на первом месте в списке. Прибавка в семействе, финансовые сложности – особенно если полицейский и так уже живет не по средствам. Ваши амбиции – это ваша ахиллесова пята, Джим. Вы считаете, что вы – явление уникальное. Вы хотите верить, что вы лучший, тогда как в действительности вы такой же, как все. Поэтому ваш психологический портрет мы можем составить на основании портретов других преступников.

Пауза.

БЕКЕТТ: Тогда вам нет необходимости говорить со мной, правда?

КУИНСИ: Понимаете, Джим, сейчас меня интересует не *что*, а *почему*. Вы убили десять красивых молодых блондинок, которые любили и были любимы. Что может заставить мужчину совершить такое?

БЕКЕТТ: Вы хотите понять, что может заставить мужчину наблюдать, как женщина умоляет его оставить ей жизнь, свернуть ей шею, а потом отправиться в больницу, чтобы взглянуть на свою только что родившуюся дочь? Знаете, тогда была очень хорошая ночь. Вы когда-нибудь видели мою дочку Саманту? Она очень красивый ребенок и умница к тому же. Подтверди, Диффорд. Ты же ее знаешь. Сэм – это лучшее, что у меня есть в этой жизни.

ДИФФОРД: И если в этом мире существует хоть какая-то справедливость, она никогда ничего о тебе не узнает, Бекетт. Тереза сказала ей, что ты умер. Она даже купила тебе надгробие. Оно у тебя будет розовым, Бекетт. Как тебе это нравится?

БЕКЕТТ: Вы слишком озлоблены, лейтенант.

КУИНСИ: Джим, зачем вы убили этих женщин?

БЕКЕТТ: Они были аморальными шлюхами, забывшими Бога, которые должны были умереть.

ДИФФОРД: Лжет. Он никогда в жизни не верил в Бога.

БЕКЕТТ (*смеется*): На этот раз Диффорд угадал. Но я уже устал от отмазки *все-это-воспитание-моей-матушки*.

КУИНСИ: Вы ненавидите свою мать?

БЕКЕТТ: Вы какую имеете в виду – биологическую или приемную? Хотя большой разницы между ними не было. Ни та, ни другая ни на что не годились.

КУИНСИ: Мне сказали, что вы состоите в переписке с Эдмундом Кемпером третьим.

БЕКЕТТ: Точно. Здоровый парень. Шесть футов девять дюймов³⁵ и весит три сотни фунтов³⁶. Вот уж психопат, так психопат. Знаете, я здесь каждый день тренируюсь. Выжи-маю триста пятьдесят лежа (*закатывает рукав и демонстрирует бицепс перед камерой*). Впечатляет, правда? Но до Эда мне еще далеко.

КУИНСИ: Коэффициент интеллектуального развития у Эда тоже 145. Вы знаете об этом?

БЕКЕТТ: Настоящий человек Возрождения.

КУИНСИ: И убил он тоже десятерых. Вы поэтому решили написать именно ему? Правда, его жертвы были поближе к дому: бабушка с дедушкой, мать, лучший друг...

БЕКЕТТ: Эд слишком увлекается Фрейдом. Он только и говорит что о том, как ненавидит свою мать. Боже, вы только представьте – он напал на нее с кувалдой, отрезал ей голову, а потом изнасиловал труп. Пора ему уже становиться серьезнее. Вы про гортань слышали?

КУИНСИ: Я читал комментарии к интервью.

БЕКЕТТ: Ну, вот как это, ирония судьбы или что? Бедный, травмированный Эд, писающий в постель, пытается выбросить гортань матери в мусорный ящик, как последний символический акт, но крышка ящика заедает и выбрасывает эту чертову гортань прямо в Эда. Он сказал: даже мертвая, она меня достала. Никак не мог заставить ее замолчать! Это одна из моих самых любимых историй.

КУИНСИ: А ваша мать вас доставала? Она была требовательной?

БЕКЕТТ: Моя биологическая мать была слабым, ничтожным ипохондриком, не имеющим в голове ни одной светлой мысли. Когда она свалилась замертво, то этим только выполнила свое же предсказание.

КУИНСИ: А ваш отец?

БЕКЕТТ: Мой отец был достойным человеком, и не стоит примешивать его сюда.

---

³⁵ Около 203 см.

³⁶ Около 136 кг.

КУИНСИ: Ему было бы стыдно за вас, Джим?

БЕКЕТТ: Почему?

КУИНСИ: Думаю, что да, Джим. И я думаю, что вы это знаете. Дженни Томсон все вам объяснила.

БЕКЕТТ: Кто?

ДИФФОРД: Ты хорошо знаешь, Бекетт, о ком он говорит. Малышка Дженни Томсон. Семнадцатилетняя девочка из Энфилда. Та, чью голову ты отрезал.

КУИНСИ: Вы ведь никому больше не отрезали голову, Джим. Только ей. И вы разрешили ей одеться, после того как изнасиловали. Мне кажется, она вас застыдила. Наверное, сказала вам, что едет домой из больницы, где навещала своего умирающего отца. Что она нужна ему, потому что без нее ему незачем будет жить. И что она очень его любит. Но она видела ваше лицо, и вы должны были ее убить. И вы ее убили, но это не доставило вам удовольствия, как при других убийствах. Другим вы смотрели в глаза, а Дженни не смогли. Ее вы задушили сзади, но даже это не принесло удовлетворения. Вы разволновались и очень разозлились, потому что волноваться совсем не хотели. Поэтому и отрезали ей голову. Классический случай деперсонализации. Голову вы спрятали под кучей листьев, так как не могли на нее смотреть. Тело девочки вы оставили прикрытым, не так, как в других случаях. И все-таки вам было стыдно, правда, Джим? И каждый раз, когда вы ее вспоминаете, вам стыдно.

БЕКЕТТ: Нет.

ДИФФОРД: Что-то ты заерзал, Бекетт. Неудобно сидеть?

БЕКЕТТ: Нога занемела.

ДИФФОРД: Ах, да. Ну конечно.

БЕКЕТТ: Я был у отца Дженни в больнице.

КУИНСИ: Что?

БЕКЕТТ: Санитаркам даже в голову ничего не пришло. Я поехал в больницу. Хотел убедиться, что ее отец там и что он действительно умирает. Женщине веры нет, особенно после того, как ты ее трахнул. Скажут все, что угодно, если решат, что это спасет им жизнь. Поэтому я решил проверить. И нашел эту кислородную палатку в интенсивной терапии, *мистер* Куинси. К нему никого не пускали, но я сказал сестрам, что расследую дело его дочери и что мне надо сообщить ему хорошие новости. Конечно, они меня пропустили. Молодые сестрички. Одна из них была даже красива, но брюнетка.

Я наклонился так низко, что уперся лицом в поверхность палатки. И рассказал ему, как красива его дочь и как приятно она кричала. Я рассказал, как она умоляла пощадить ее и как молилась Богу, но Всевышний ее не спас. Ее жизнь принадлежала мне, и я забрал ее у девочки. На следующий день он умер.

Вы хотите понять меня, мистер Куинси? Если да, то начните с того, что забудьте всю эту надуманную ерунду вроде ненависти к матери, писанья в постель, пыток домашних животных и пиромании. В мире меня интересует только власть. Власть над женщиной, которая молит тебя сохранить ей жизнь. Власть, которая позволяет поставить ее на колени и смотреть, как она умоляет Бога вмешаться. А Он не вмешивается. И она только в моей власти. Я сильнее и лучше всех на свете. Раньше я не понимал нацистов и того, что они творили во время Холокоста – я уважал их дисциплину, но не совсем понимал их. А теперь понял. Я держал тонкую нить жизни в своих руках и обрывал ее. Лучшего ощущения в мире нет ничего.

ДИФФОРД: Ты болен, Бекетт. Seriously болен.

БЕКЕТТ: Пошел к черту, Диффорд. Благодаря таким, как я, вы все имеете работу. Когда я только появился, ты был занюханым, никому не известным лейтенантишкой. В твоей карьере я – лучшее, что с тобой произошло. Ты должен любить меня.

КУИНСИ: Джим...

ДИФФОРД: Ты сильно ошибаешься, Бекетт. И не ты самый сильный человек в мире. Тереза сильнее тебя.

БЕКЕТТ: Что?

ДИФФОРД: Ты меня хорошо услышал. Кто вычислил тебя и укатал в тюрьму? Признай, что ты женился на милой восемнадцатилетней девушке и думал, что будешь ее терзать, терроризировать и издеваться над ней сколько душе угодно. Но вместо того, чтобы сдаться, она вычислила тебя. Она изучила тебя и вступила с тобой в бой. И одолела всемогущего Джима Бекетта.

БЕКЕТТ: Тереза – слабая, глупая женщина, которая не могла выступить даже против своего папаша. На нее надо было только прикрикнуть поостроже, и она тут же забивалась в угол.

ДИФФОРД: Она вела на тебя досье. Записывала те дни, когда ты говорил, что на дежурстве, а тебя там не было. Все дни, когда ты появлялся дома с синяками и царапинами.

БЕКЕТТ: Она была просто ревнивой душой.

ДИФФОРД: Она фиксировала километраж на твоей машине. У нее была целая тетрадка показаний против тебя, которую она тайком пополняла каждую ночь, пока не решила, что улики достаточно. И тогда она вызвала полицию. А ты ничего даже не подозревал.

БЕКЕТТ: У Терезы ума на такое не хватит!

ДИФФОРД: Это она тебя сдала, Джим. Ты терроризировал ее и нанес ей серьезную психологическую травму. Ты сжег все ее вещи и изо дня в день повторял, что она ни на что не годна. И все-таки она тебя победила.

БЕКЕТТ: Она за это заплатила. Теперь каждый раз, когда она делает шаг, она вспоминает меня.

ДИФФОРД: А ты можешь вспоминать ее каждый раз, когда слышишь, как захлопываются двери твоей камеры.

Пауза.

КУИНСИ: Последний вопрос, Джим...

БЕКЕТТ: Знаешь, о чем я мечтаю, Диффорд? Знаешь, о чем думаю каждую ночь? О том дне, когда вновь увижу свою жену. Я представляю, как мои руки сомкнутся на ее шее и она упрется своими руками мне в грудь. И я буду перекрывать ей кислород, пока она не потеряет сознание. А потом, когда она, беспомощная, будет лежать у меня в ногах, я возьму тупой швейцарский армейский нож и по одному отпилю ей все пальцы на руках. А потом уши. А потом нос. И, наконец, вырежу ее бьющееся сердце. Когда-нибудь я это сделаю, Диффорд. И пришлю ее сердце тебе по почте.

Лейтенант Ричард Хоулихан прошел на просцениум комнаты для совещаний и выключил проектор. По его сигналу зажглись лампы, и шестьдесят пять офицеров полиции и федеральных агентов захлопали глазами как совы. В этой комнате сейчас находилась крупнейшая оперативная группа по расследованию преступления, которую когда-либо собирали в Массачусетсе. Вторая по численности группа была сформирована два с половиной года назад с той же самой целью, что и теперь, – найти и обезвредить бывшего офицера полиции и серийного убийцу Джима Бекетта.

– Теперь вы все знаете, против кого мы воюем, – начал лейтенант без всякого вступления. – Джим Бекетт всегда гордился своими умственными способностями и на прошлой неделе еще раз продемонстрировал, на что он способен. В девять часов утра двое надсмотрщиков повели его из блока номер десять в Уолпоуле в одну из комнат библиотеки, которую он заранее забронировал для проведения каких-то исследований. Все было сделано в соответствии с должностными инструкциями: руки Бекетта были скованы наручниками за спиной, ноги тоже были в кандалах, и надзиратели не спускали с него глаз. Однако ему каким-

то образом удалось освободиться от наручников – скорее всего, он сделал себе отмычку из подручных средств – и в тот момент, когда они вошли в комнату, он бросился на двух офицеров. В течение двух минут Бекетт убил их голыми руками. Одному из офицеров удалось нажать тревожную кнопку на своей рации. Когда офицеры безопасности Уолпоула ворвались в комнату девяносто секунд спустя, они нашли там два трупа, наручники и кандалы. Один из убитых был раздет, его рация тоже отсутствовала. Все блоки были немедленно перекрыты, и дежурный офицер ввел красный уровень тревоги, после чего начались тотальные поиски. За это время Бекетту, одетому в форму надзирателя, каким-то образом удалось проникнуть в дежурную часть. Там он убил лейтенанта и сержанта, которые в этот момент находились на дежурстве, и, используя центральный электронный механизм, открыл замки всех камер.

В начавшейся неразберихе, связанной с волнениями среди заключенных, Бекетт, все еще в форме надзирателя, спокойно покинул тюрьму. Это выяснилось только через сорок восемь часов. С тех пор его больше никто не видел. Я не буду врать вам, парни. Предстоящая неделя будет самой тяжелой в вашей жизни. Команда безопасности внутреннего периметра – БВП – Уолпоула в течение сорока восьми часов обыскивала близлежащие окрестности. На подмогу им была брошена полиция города, округа и штата. Национальная гвардия тоже приняла участие в поисках. Все безрезультатно. После этого к поискам подключилась группа по розыску беглых заключенных. За последнюю неделю они с зубными щетками прочесали район, в котором Бекетт раньше жил, опросили его бывших знакомых и перевернули в штате все вверх тормашками. У беглеца нет никого из родственников, кроме бывшей жены и дочери, никаких социальных связей и никаких друзей. Национальный информационный центр распространил информацию по всей стране, но опять безрезультатно. Короче говоря, группа по поиску беглых заключенных ничего не нашла, и теперь вся надежда на вас.

Вам придется работать больше, чем вы когда-либо работали в своей жизни. Дело на контроле у губернатора. Руководство полиции штата получает ежедневную информацию. Некоторые из вас уже были в подобной ситуации. Это те, кто был в группе номер двадцать два, которая была сформирована два с половиной года назад для поимки все того же Бекетта. Тогда он водил нас за нос шесть месяцев, пока, наконец, не появился в доме, который должен был находиться под нашей защитой. В ту ночь Тереза Бекетт чуть не умерла, и это, ребята, был наш прокол.

В этой аудитории сейчас находятся три специальные группы, которые будут работать посменно по восемь часов. Но не думайте, что, когда ваша смена закончится, вы спокойно направитесь домой. Эта новость на первых страницах всех газет – по горячей линии нам звонят до двух тысяч человек в день. Вы не уйдете с работы до тех пор, пока все зацепки, появившиеся в вашу смену, не будут записаны, классифицированы и отработаны до конца. В пятницу вечером Бекетта покажут в передаче *«Их разыскивают в Америке»*. Тысячи добровольцев будут помогать нам по горячей линии. Его также занесли в список самых разыскиваемых преступников на сайте ФБР – агенты Конторы будут делиться с нами информацией, которая будет поступать в их распоряжение.

Работа окажется долгой, тяжелой и изматывающей. Моральное состояние будет низким, а уровень раздражительности – очень высоким. Но мы это сделаем, парни. Бекетт когда-то был офицером полиции. Он использовал свой мундир для того, чтобы выманить молодых женщин из машин и убивать их. Он напал на своих бывших коллег и жестоко убил двух надзирателей в тюрьме. У нас еще никогда не было дела, которое оказалось бы настолько личным и важным для всех нас.

Лейтенант Хоулихан отступил на шаг, ожидая, пока аудитория проникнется его словами. Когда слушатели стали наклоняться вперед, ожидая продолжения и конкретного плана, который позволит поймать этого сукина сына, он продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.